

Дмитрий Жуков

АПАРТЕИД

История режима

ЖУКОВ, Дмитрий.

АПАРТЕИД: ИСТОРИЯ РЕЖИМА. – Москва, 2007. – 56 с., илл.

Как стало возможным, что на юге Африканского континента белое меньшинство отгородилось от коренного большинства с помощью цветных барьеров и расовых законов? Почему в ЮАР был самый высокий уровень жизни европейского населения, а африканцы оказались в резервациях и бантустанах? Почему сегрегационный режим рухнул в начале 1990-х годов?

В работе Д. Жукова анализируются различные аспекты становления и развития режима апартеида, провозглашенного правящей Национальной партией в 1948 году и просуществовавшего фактически до избрания первого черного президента Нельсона Манделы.

© Жуков Д.А.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	2
Глава первая. Рождение нации	4
Глава вторая. Рождение государства	14
Глава третья. Внутренние противоречия	18
Глава четвертая. Южная Африка и Вторая мировая война	25
Глава пятая. На пути к независимости	30
Глава шестая. Архитекторы Апартеида	33
Глава седьмая. Апартеид – рай для белых	38
Глава восьмая. Черный терроризм на марше	43
Глава девятая. Начало конца	47
Глава десятая. Эрозия апартеида	52
Глава одиннадцатая. Южноафриканский Апокалипсис	57
Послесловие	62
Приложение	63
Список литературы и источников	63

Предисловие

Более десяти лет назад, в первой половине 1990-х годов, Южно-Африканская республика перестала быть государством, построенным по расовому принципу. Режим апартеида пал, а власть перешла в руки черного правительства, большинство членов которого являлись выходцами из рядов Африканского национального конгресса и коммунистической партии. Что означал этот поистине коренной перелом в истории ЮАР для белого меньшинства? Что дал он неграм?

Объективно говоря, радужные ожидания черного большинства совершенно не оправдались. Жизненный уровень подавляющей части коренного населения по-прежнему продолжает оставаться чрезвычайно низким (хотя и не таким запредельным, как в «классических» «банановых республиках»). Невероятного уровня достигла преступность, эффективной борьбе с которой препятствует пугающая коррупционность полицейского ведомства, что и не удивительно, ведь практически все руководящие должности в силовых министерствах заняли черные, причем назначенные не по признаку их профессионализма, а исходя из политической конъюнктуры.

Белому населению страны – африканерам – посчастливилось избежать печальной участи своих братьев из Зимбабве, где, как известно, имущество белых было экспроприровано, причем незаконные изъятия земель и собственности сопровождались массовым террором, провозглашенным одиозным президентом Робертом Мугабе (в прошлом марксистом-ленинцем, а ныне черным расистом). Руководство ЮАР в лице Нельсона Манделы, а затем Табо Мбеки, оказалось достаточно прозорливым, чтобы не позволить государству рухнуть в объятия экономического коллапса. Несмотря на весь свой фанатизм, черные южноафриканские лидеры отлично понимают, что успехом своей экономики ЮАР обязана исключительно белым.

Однако все это не означает, что африканерская нация в сегодняшней Южной Африке процветает. Белые также страдают от преступности, от насильно навязываемых им сверху стереотипов поведения, которые противоречат их самосознанию и унижают человеческое достоинство. Пожалуй, в самом безвыходном положении оказались те белые, которые говорят на африкаанс – диалекте старо-голландского языка. Именно они своим титаническим трудом, упорством и верой выпестовали и создали на юге континента свое уникальное государство, вывели его в число самых развитых стран не только Африки, но и всего мира (по уровню жизни белого населения ЮАР занимала первое место). Потомки средневековых голландских переселенцев, африканеры справедливо считают эту землю своим Отечеством, и не желают эмигрировать, поскольку их исторические связи с Европой давно разорваны.

Англоязычному населению приходится несколько проще: британцы появились здесь в XIX веке и всегда ориентировались на метрополию. В силу этого, их менталитет был не таким патриархальным, как у африканеров, они быстро впитывали в себя новомодные либеральные и «общечеловеческие» идеи (особенно это относится к представителям интеллигенции). Англоязычные белые сегодня предпочитают эмигрировать в Австралию, Новую Зеландию и другие бывшие колонии Британской Империи, где их интеграция происходит без особых проблем.

Сейчас практически все – как черные, так и белые – граждане ЮАР признают один факт: в настоящий момент всем им живется значительно хуже, чем в 1980-е годы, когда апартеид находился, что называется, «на излете» (формальная сегрегация продолжала действовать, но белое меньшинство пошло на ряд существенных уступок черным, и жизненный уровень негров стал неуклонно возрастать). Причина крушения белого режима была, таким образом, чисто политической: «мировая общественность» не желала больше мириться с существованием на юге Африки «расистского» режима. Надобность последнего в качестве «форпоста борьбы с коммунизмом» на континенте отпала из-за крушения социалистического лагеря, а мода на политкорректность находилась в зените.

Насколько актуально в настоящий момент изучение истории режима апартеида и его расовых войн? Печально известные тенденции в Европе, наглядным воплощением которых явились поистине апокалипсические события во Франции, рост незаконной миграции, исламизация нашего континента, экономическая экспансия Юго-Востока, – все это свидетельствует о том, что наступают времена критических испытаний, невиданной по напряженности борьбы, от победы в которой зависит будущее нашей цивилизации. Вырывать из контекста этой борьбы Россию (как это пытаются сделать беспринципные популисты-евразийцы) было бы ошибочным. Вектор отечественной внешней политики должен быть направлен в сторону Европы, а не Азии, если мы, разумеется, не хотим превратить страну в дремучую и вязкую, как рахат-лукум, восточную деспотию.

Если все указанные выше тенденции продолжают свое развитие, настанет момент, когда белые в Европе окажутся на положении подавляемого меньшинства, и все демократические ценности будут безжалостно попорчены. Поэтому уже сейчас нужно искать действенные рычаги для того, чтобы подобная участь нас миновала.

Подчеркнем, мы не предлагаем вводить на пространствах нашего континента жесткое сегрегационное законодательство, абсорбировать опыт южноафриканского апартеида и принимать расовые законы. Но добиться того, чтобы представители иных культур вели себя не столь вызывающе, не навязывали нам свои ценности, не посягали на священные права личности, вполне возможно. История режима апартеида может научить нас обходить реальные и не утратившие своей актуальности опасности, связанные с поспешными политическими решениями.

Сейчас, когда над гордой нацией африканеров нависла реальная угроза постепенного исчезновения, имеет смысл по-новому взглянуть на поистине героический путь, проделанный этим славным народом.

Глава первая. Рождение нации

Первые белые переселенцы обосновались на юге Африканского континента в 1652 году, когда представитель голландской Ост-Индской Компании Ян ван Рибек основал в районе мыса Доброй Надежды провиантский пункт для снабжения судов, следующих из Европы в Азию: именно в этом суровом и скалистом месте сходятся два океана. Рибек стал первым губернатором Капской колонии, численностью чуть менее сотни людей.

6 апреля был основан поселок Каапстад (сейчас на этом месте находится Кейптаун), и колонисты приступили к строительству форта. По предложению ван Рибек, в 1657 году Компания освободила всех колонистов от службы. Им предложили заняться непосредственно земледелием, а в помощь с острова Ява была прислана первая партия рабов-малайцев. Позднее негров ввозили из Анголы и Гвинеи, а также с Мадагаскара.

Первое время чернокожие жили здесь довольно сносно. Была даже открыта школа для рабов. Для того чтобы содействовать обращению негров в христианство, Рибек приказал выдавать им по стаканчику бренди и по две понюшки табака после каждой проповеди. Однако господствовавшей точкой зрения колонистов был принцип: «церковь не предназначена для негров, так же как и для грубых животных, которые вместе с ними делят тяжелый труд». Первый пастор Голландской реформаторской церкви появился в Капской колонии в 1665 году.

Местные туземцы – готтентоты – постоянно крали у колонистов коров и баранов, жгли пастбища. Как сообщалось в школьном учебнике времен апартеида, «они специализировались на воровстве скота и были весьма искусны в этом деле. Но подобно племенам масаи в Кении, воровали они больше ради удовольствия, чем по необходимости, а затем перекрашивали животных таким образом, что их нельзя было узнать». Ван Рибек соорудил пограничный часток, чтобы как-то решить эту проблему. Тогда же голландцы начали активный захват земель туземных племен. Для этого в глубь материка снаряжались специальные военные экспедиции, которые, к тому же, пригоняли все новых и новых рабов, но уже из числа местного населения. В результате, между туземцами и колонистами началась длительная череда кровопролитных стычек и войн. Голландцы приучились жить в состоянии перманентной военной угрозы. «Беря в одну руку лопату, – писал вам Рибек, – в другой ты всегда должен держать оружие». Все окружающие воспринимались европейскими переселенцами как враги.

Через короткое время на каждого колониста приходилось не менее 10 гектаров земли и внушительное число рабов. Благоприятный климат способствовал процветанию хозяйства, и бывшие служащие компании все чаще стали называть себя просто крестьянами, по-голландски бурами. А рожденных непосредственно на африканской земле начали именовать африканерами. Позднее слова «бур» и «африканер» стали синонимами.

Спустя некоторое время Ян ван Рибек заслужил у Компании повышение по службе и отбыл на Дальний Восток. Голландские переселенцы не забыли своего первого губернатора. Имя Рибек стало легендарным, его официально называли отцом африканерской нации, а позднее, в XX веке, когда Южная Африка получила независимость, портрет Ван Рибек стал украшать все без исключения купюры национальной валюты страны – ранда (правда, с начала 1990-х годов на бумажных деньгах ЮАР гол-

ландского губернатора «заменяли» дикие животные). Заложенные Рибеком у подножия Столовой горы огороды и виноградники до сих пор бережно сохраняются в центре Кейптауна в парке «Компаниз Гарден».

Капскую колонию стали заселять не только голландцы, но и немцы, фламандцы, австрийцы, шведы, датчане, норвежцы, португальцы. Кроме того, на Кап переселилось около ста семей французских гугенотов, вынужденных бежать со своей Родины из-за религиозных гонений. Для всех переселенцев вера составляла основу их самосознания, или, как говорят сегодня, менталитета. Религиозную доктрину колонистов представлял кальвинизм (господствовавший и в метрополии), изложенный в Гейдельбергском катехизисе и в постановлениях Дордрехтского синода, придававший большое значение Ветхому Завету и тезису о Божественном предопределении. Эти положения довольно точно соответствовали запросам белой общины Капа, в тяжелых условиях борющейся за свое выживание и привыкшей относиться к небелым народам как к рабам, крепостным или как к врагам. Приходские школы в то время были единственными учебными заведениями колонии, а Библия и молитвенники – единственными книгами в бурских семьях. Церковь и клирики находились в центре всей общественной жизни. Без благословения пастора не мог вступить в брак ни один мужчина, а это согласие давалось лишь после прохождения строгого экзамена, в частности по богословию.

Постепенно выковывался национальный характер буров. Трудолюбие, упорство, патриархальный уклад – все эти черты сохранились у африканеров и сегодня. Пожалуй, самой яркой особенностью буров на протяжении всей их истории была любовь к свободе. Уже в начале XVIII века вольные фермеры начали активно выступать против непопулярной политики нового губернатора Уилема Адриана ван дер Стеля, стремившегося обложить колонистов высокими налогами. Согласно легенде, в 1707 году один непокорный молодой человек по имени Хендрик Бибо оказал сопротивление при аресте. «Я не пойду! – заявил он. – Я африканер, и даже если полицейский судья забьет меня до смерти или посадит в тюрьму, я молчать не стану». В конце концов, в результате восстания, семейство Стеля было изгнано обратно в Голландию.

Восемнадцатое столетие прошло для переселенцев и их потомков в тяжелой борьбе с туземными племенами. Коварные чернокожие никак не желали отдавать бурам свои земли. Тем не менее, освоение материка продолжалось со все возрастающим упорством. Основывались новые города и поселения: в 1685 году был заложен Стелленбош, в 1691 – Дрейкенштейн, в 1743 – Рудесанд, в 1745 – Свартланд...

В этот период сформировался и специфический язык буров – африкаанс. Вообще говоря, общим и обязательным языком для колонистов на протяжении XVII и XVIII веков был голландский, который признавался единственным языком образования, церкви, судопроизводства и официальных документов (в качестве письменного языка он использовался вплоть до второй половины XIX века, а официальное значение формально утратил лишь в первой половине XX века!). Его авторитет и распространенность в мире был в тот период неизмеримо выше, чем в наши дни, а в южных морях он с успехом вытеснял португальский. При этом разговорный язык постоянного населения колонии стал уже на самом раннем этапе существования поселения на Капском полуострове обнаруживать значительные отличия от того языка, на котором писали и говорили в метрополии.

Таким образом, в Южной Африке существовало как бы два языка: официальный голландский, распространение которого ограничивалось высшими слоями общества, и чисто разговорный, развившийся в местных условиях из голландских диалектов язык, как белых, так и небелых жителей колонии. Язык буров впитал в себя многочисленные элементы языков немецких, французских и других европейских переселенцев. Враги африканеров, стремясь унижить свободолюбивую нацию фермеров,

называли африкаанс «кухонным голландским». Но сами буры с невероятным пиететом относятся к своему языку, а в 1975 году был даже сооружен памятник в честь африкаанс.

После банкротства Ост-Индской Кампании в 1794 году буры провозгласили независимость от метрополии и создали две республики – Свеллендам и Граф Рейнерт. В это время среди белых жителей Южной Африки было 45 % немцев, 27 % французов, 22 % голландцев и 6 % переселенцев других национальностей. Во второй половине XVIII века на полуострове появились англичане, развив здесь бурную предпринимательскую и торговую деятельность. Вскоре на юге Африки появились многочисленные английские поселки. Буры не могли знать, что подданные Великобритании принесли с собой беду. Коварство англичан было распознано лишь тогда, когда Англия оккупировала Капскую колонию. Впрочем, вскоре непримиримый противник Британской Империи Наполеон Бонапарт потребовал возврата Южной Африки Голландии (с 1795 года – Батавской республики), что было закреплено в Амьенском мирном договоре 1802 года. Но уже через четыре года британцы нарушили договор и вновь аннексировали Кап, а после разгрома наполеоновской Империи Венский конгресс 1815 года окончательно закрепил за Великобританией права на южноафриканскую колонию.

Для нации буров начался период страданий и борьбы. Позднее африканерские историки назвали XIX век «столетием несправедливости». И было из-за чего. В том же 1815 году в районе Слахтерс-Нек произошло первое бурское выступление против англичан, проводивших насильственное насаждение своего языка и традиций. В ответ британцы повесили самых непримиримых буров, заставив их жен и детей присутствовать при казни. Чтобы утвердить свое господство англичане увеличили контингенты своих войск и полиции за счет африканских наемников. Свободолюбивые буры были до крайней степени оскорблены тем, что должны были подчиняться черным – готтентотскому «капскому корпусу» и готтентотской полиции. Желая вышвырнуть африканеров из Капской колонии, англичане подняли налоги (сами они податей не платили вовсе) и в 1833 году провозгласили ликвидацию рабства (а еще в 1828 году власти колонии объявили всех жителей равными перед законом, независимо от их расовой принадлежности и цвета кожи). По мнению самих же буров, «это было противно закону Бога и восставало против естественных различий рас и религий. Такое унижение было невыносимо для всякого доброго христианина; вот почему мы предпочли удалиться, дабы сохранить в чистоте наши убеждения».

Сама «ликвидация рабства» была проведена англичанами как хитрая мошенническая сделка. Согласно парламентскому акту, для возмещения потерь бывшим собственникам рабов выделялось 20 миллионов фунтов стерлингов. Однако буры могли рассчитывать только на 3 миллиона фунтов: такова была назначенная стоимость 39 021 раба. В конце концов, выделено было всего лишь чуть больше миллиона фунтов, из которых буры не получили практически ничего. Согласно установленным правилам, возмещение выплачивалось не по месту жительства, а в Лондоне: там заседала специальная комиссия, которая после рассмотрения предъявленных ей бумаг, подтверждающих права на возмещение, выдавала причитающуюся сумму, однако не деньгами, а государственными облигациями. Предварительно вычиталась крупная сумма, уплаченная пароходной компании за проезд из Южной Африки в Англию и обратно. Вследствие этого, большая часть буров разорилась. Освобожденные рабы тоже не стали счастливее от этих мер. Голодные, оборванные и нищие они бродили по стране в поисках пристанища, работы и хлеба, или были вынуждены остаться на плантациях и фермах, приняв продиктованные им англичанами кабальные условия.

Не желая мириться с притеснениями, чинимыми британцами, и искренне презирая нормы, которые начали навязывать представители Британии (прежде всего, торговую мораль), буры начали осваивать новые земли, на которых они могли бы спокойно и свободно заниматься земледелием. Наиболее масштабное переселение,

осуществленное под руководством Питера Ретифа, началось в 1835 году, получив название Великого Трека. Свыше пяти тысяч буров пересекли реку Оранжевая и покинули пределы Капской колонии. К 1845 году численность переселенцев (треккеров) возросла до 45 тысяч.

Путь был непростым: неизведанные края, враждебные племена, суровая природа, дикие звери. Надо было перебираться через скалистые горы, хребты, реки. В фургоны запрягали до 24 пар волов. Впереди и по бокам колонны находились хорошо вооруженные всадники, на случай непредвиденных опасностей. Колонны передвигались медленно. Буры выбирали места для остановки на несколько месяцев, окружали их вереницей своих фургонов, сеяли и собрали урожай, запасались провизией для дальнейшего пути.

Миновав территорию между реками Оранжевая и Вааль, и перейдя через Драконовы горы, группы треккеров ступили на земли зулусов, автохтонного населения Северо-Западного Натала. Теперь перед колонистами оказались не разрозненные африканские племена, как это было ранее, а сплоченные силы воинственных и жестоких зулусов, имевших хорошо обученную регулярную армию. В 1837 году буры направили в лагерь вождя зулусов Дингаана послов, чтобы добиться соглашения на поселение в этих землях. Однако парламентаров чернокожие просто перебили (как выяснилось, на это Дингаан подвигли англичане, специально для того, чтобы столкнуть эти две силы и, тем самым, вновь оказаться в выигрыше). После этого Дингаан провозгласил борьбу против пришельцев.

16 декабря 1838 года на реке Баффало между десятитысячным войском Дингаана и несколькими сотнями бурских переселенцев во главе с Андриесом Преториусом произошло решающее сражение. Треккеры с успехом отразили коварное нападение и, будучи вооружены огнестрельным оружием, устроили чернокожим «кровавую баню», уничтожив более трех тысяч туземцев. Потери же самих буров составили лишь несколько человек. С тех пор река Баффало, воды которой после битвы буквально окрасились кровью зулусов, стала называться Кровавой. Сама эта потрясающая победа была воспринята бурами как явное подтверждение милости к ним Всевышнего.

Спустя столетие на месте сражения был сооружен величественный мемориал – «Фоортреккер монумент», памятник бурам, основавшим Трансвааль. На мраморных фризах изображена история похода буров: битвы, зверства туземцев, героические женщины, призывающие мужчин к оружию, повозки, запряженные волами. Во внутреннем помещении комплекса находится крипта с символическим надгробием, на которое в полдень 16 декабря – в день битвы у Баффало – падает луч солнца. На надгробии надпись: «Мы – тебе, Южная Африка». В отдельном здании находится серия великолепных гобеленов, которые в течение нескольких лет тщательно вышивали девять бурских патриотов.

После позорного поражения Дингаана, его «государство» распалось. Зулусам сначала была оставлена территория к северу от реки Тугела, но затем и эти земли были освоены европейцами. Участники трека покончили с господством зулусов. Это означало не только последующее заселение земель белыми, но и окончание жестоких войн между аборигенами, в которых разорялась страна и погибали целые племена. Таким образом, треккеры спасли от уничтожения небольшие народности, ликвидируя могущество тех, кто их до сих пор терроризировал.

В 1839 году в юго-восточной Африке возникло независимое государство буров – республика Наталь. Однако через четыре года англичане захватили и эту территорию, экспроприировав недвижимое имущество буров. Африканеры вынуждены были мигрировать на север и северо-запад, во внутренние районы Южной Африки, где образовали две новые республики: в 1852 году – Южно-Африканскую Республику (с 1856 года она также именовалась Трансвааль) со столицей в Претории, и в 1854 го-

ду – Оранжевое свободное государство со столицей Блумфонтейн. Белое население Трансвааля составляло примерно 125 тысяч человек, а гражданами Оранжевой республики стали 30 тысяч буров. Подавляющее число переселенцев занялись сельским хозяйством. Поскольку размер многих из ферм достигал 50-100 тысяч акров, активно использовался труд батраков-туземцев и рабов.

В 1858 году была принята конституция Республики Трансвааль, определившая политическое устройство государства. Главой его стал президент, избиравшийся на пять лет только белыми переселенцами (первым президентом стал А. Преториус). Девятая статья юридически оформляла расовое неравенство в общественных и религиозных вопросах: «Не будет идти речи ни о каком равенстве между белыми и небелыми ни в делах церкви, ни в делах государства». Через восемь лет конституцию обрело и Оранжевое государство.

В 1875 году рост национального самосознания буров и утверждение идеи о самобытности их языка и культуры привели к основанию «Общества истинных африканеров», которое ставило целью борьбу за признание африканс в качестве национального литературного языка африканеров (официальным языком бурских республик продолжал оставаться голландский). Именно в это время окончательно утвердились термины «африканс» и «африканер» для обозначения языка и нации. Члены общества, среди которых были учителя и журналисты, издавали на африканс журнал «Ди Патриот», писали художественные произведения на африканс, а также переводили на этот язык иностранных авторов. Именно с середины 1870-х годов в бурских республиках начинает развиваться возглавляемое пастором Стефанусом дю Тойтом движение за создание национальной общности. Одной из самых популярных фигур в бурском обществе стал Ян Хофмейер. Он издавал самую крупную бурскую газету «Зюйд Африканс», основал в 1878 году «Союз защиты фермеров», а в 1879 году – первую политическую партию «Африканер бонд», которая находилась в авангарде бурского национализма, связывавшего нацию уже не с прародиной Голландией, а с Африкой.

Власти и население бурских республик яростно противились евангелическим и либеральным тенденциям, которые проникали в Южную Африку из Голландии (значительное число священников по-прежнему прибывало на земли буров из бывшей метрополии). 11 января 1859 года в одном из приходов Рюстенбурга, который посещал А. Преториус, во время церковной службы прозвучало несколько гимнов, что было расценено как проявление «евангелических влияний» и обмирщения. В результате из церкви вышли пятнадцать видных деятелей Трансвааля и внушительная группа их сторонников.

Лидером этой группы стал будущий президент Трансвааля Пауль Крюгер. Он направил письмо консервативно настроенному голландскому пастору Д. Постме с просьбой возглавить новую церковь, получившую название Реформаторской церкви Южной Африки, или «Церкви допперов». Слово «доппер» буквально означает устройство для погашения свечи. Подобно этому устройству, говорил Постма, «допперы» погасят огонь Просвещения, грозящий уничтожить африканерский народ.

Приверженность Крюгера принципам ортодоксального кальвинизма обусловила довольно широкий демократизм его схемы государственного устройства. Все решения в государстве должны исходить от народа и быть согласованными с волей народа. Высшей инстанцией любой формы власти являлся парламент – «фольксраад». Разумеется, из состава народа Крюгер полностью исключал лиц с небелой кожей («нацию без закона»). Когда Крюгер стал президентом Трансвааля, в республике установилась своеобразная теократия, причем глава государства считался «представителем Бога».

В 1891 году синод «допперов» рассмотрел вопрос о законности браков между белыми и африканцами. Хотя в решениях синода эти браки не были признаны «греховными», церковь назвала их «маловероятными и социально опасными». В 1897 году синод осудил создание и деятельность «секретных организаций». Причиной такого решения стало расширение влияния в Южной Африке масонских лож (особенно в области политики). В постановлении прямо указывалось на масонов, как на главный объект церковной критики и говорилось: «любой член такого общества не может состоять в Реформаторской церкви Южной Африки; если же такое случается, то он должен быть подвергнут всеобщему осуждению и к нему должны быть применены дисциплинарные меры».

Покой обретших независимость буров был недолгим. Его вновь нарушили англичане, стоило им только узнать о богатых месторождениях золота и алмазов. До этого момента основными товарами, которые экспортировали белые южноафриканцы, были вино, шерсть и страусиные перья. Когда же в междуречье Замбези-Лимпопо, а потом и в Трансаале – в области Витватерсранд (или сокращенно Ранд) – было найдено золото, страну поразила «золотая лихорадка».

Британский лев широко разинул свою смердящую пасть на природные ресурсы, принадлежащие честным бурским труженикам. В 1877 году началась первая Англо-Бурская война. Подло воспользовавшись очередной войной Трансвааля с зулусами, Великобритания аннексировала республику. В 1880-1881 годах бурам под предводительством Пауля Крюгера и генерала Питера Жубера удалось отстоять свою независимость, нанеся оккупационным войскам генерала Джоржа Колли ряд чувствительных поражений. В итоге Британия была вынуждена признать независимость Трансвааля. Впрочем, соглашение было половинчатым: бурам отныне запрещалось заключать международные договоры и занимать территории севернее их границ.

Однако в этот момент в англо-бурские отношения вмешалась третья мощная сила – Германская Империя, руководство которой находилось явно на стороне свободлюбивых фермеров (значительная часть которых была представлена переселенцами из немецких земель). В 1884 году Рейх заключил с Трансваалем торговый договор (в обход англо-бурского соглашения). Немцы при активной поддержке буров стали теснить англичан на южно-африканских побережьях Индийского и Атлантического океанов. В свою очередь, буры с германской помощью завоевали земли зулусов, где основали новую республику. Еще до этого – в 1882 и 1883 годах – появились две бурские республики (Стелленленд и Хосен), напрямую граничивших с немецкими владениями.

Сама территория Германской Юго-Западной Африки была уже давно заселена бурами. Колонизация этой земли началась в 1883 году, когда бременский торговый агент Адольф Людериц исследовал западное африканское побережье. Через германского консула в Кейптауне он доложил имперскому правительству, что этот район вполне пригоден для освоения. 24 апреля 1884 года побережье между португальскими и британскими владениями было объявлено германским протекторатом (северная граница проходила по реке Кунене, южная – по реке Оранжевая). Немцам пришлось столкнуться с враждебностью местных племен. В 1893 году вспыхнуло крупное восстание готтентотов. Оно было подавлено только в следующем году.

Германско-бурская активность, разумеется, пришлась не по душе Великобритании. Была развязана пропагандистская кампания с лицемерными призывами обуздать «притесняющих негров бурских разбойников и пиратов», после чего британские войска под командованием генерала Чарльза Уоррена ликвидировали новорожденные бурские государства. Продолжалась и «мирная экспансия» англичан, которых буры именовали «ойтландерами» (чужеземцами). Тихой сапой они скупили в Трансваале более половины всех земель и сосредоточили в своих руках около 80 % не-

движимости. В лапах британского льва оказалась вся горнодобывающая промышленность, большинство алмазных месторождений.

Британцы наводнили Южную Африку многочисленными выходцами из своих колоний. Так, с 1880 года в Наталь начали прибывать значительные партии индусов, завербованных для работы на сахарных плантациях. Все это сказывалось на этнической карте региона. В XIX веке появился специфический для южной Африки термин «цветные», который обозначал потомков межрасовых браков. Цветные находились в сложившейся здесь иерархии на ступень ниже, чем белые, но выше, чем индийцы и кафры (негры). Эта иерархия хотя и не была вплоть до начала XX века как-либо юридически оформлена, но была общепринятой. Наиболее «либеральным» отношением к представителям из неевропейских расовых групп было в Капской колонии.

Деструктивная (для буров) экономическая политика англичан сочеталась с политической деятельностью, губительной для национального уклада свободных фермеров. При финансовой поддержке «Де Бирс» британцы организовали «Южно-Африканскую лигу реформ», провозгласившую кампанию за предоставление англичанам избирательных прав и за ликвидацию рабства. Надежде, это были лишь красивые лозунги, удобный предлог для дальнейшей экспансии. Ведь подавляющее число англичан приехали сюда с целью добычи золота и алмазов, и не собирались всю жизнь провести в выжженной солнцем пустыне. Что касается рабства, то на рудниках английских компаний кафрам жилось неизмеримо хуже, чем на фермах буров.

Не останавливались британцы и перед вооруженными провокациями. В 1895 году отряд из 670 авантюристов и наемников (включая негров) совершил рейд в Трансвааль с целью поднять восстание проживавших там англичан. Спонсировались эти «борцы за права» йоханесбургскими золотопромышленниками-ойтландерами, создавшими тайный комитет для свержения законного бурского правительства. Бандиты были посрамлены уже через три дня: будучи окруженными отрядом буров у Крюгерсдорфа, англичане и кафры трусливо сдались в плен.

После этого германский кайзер Вильгельм II выразил готовность прийти на помощь своим бурским союзникам, направив Крюгеру поздравительную телеграмму и запросив у правительства Португалии разрешить германскому экспедиционному корпусу продвинуться из Юго-Восточной Африки в Трансвааль через Мозамбик. Вскоре буры начали получать из Германии инструкторов и самое современное оружие: тяжелую артиллерию, маузеровские винтовки (они были значительно лучше английских винтовок системы Ли-Метфорда), боеприпасы. Пушки и винтовки доставлялись из Германии в контейнерах с надписями «Оборудование для горной промышленности» или «Сельскохозяйственная техника».

Британское правительство твердо решило отобрать у буров независимость, не останавливаясь при достижении этой цели ни перед какими методами. Даже после того, как Крюгер согласился предоставить англичанам избирательное право (что составляло главную суть «претензий» Британии к Трансваалю), «Туманный Альбион» не отказался от своей идеи отдать буров во власть сброда золотопромышленников. В 1899 году Великобритания нагло потребовала разоружить армию Трансвааля, и отказалось признавать его в качестве суверенного государства. К бурским границам начали подтягиваться британские войска.

11 октября 1899 года началась Англо-Бурская война, ставшая одним из самых страшных преступлений Британской Империи.

К началу войны обе бурские республики не имели регулярной армии, за исключением артиллерийских частей. Однако, по закону 1898 года, каждый гражданин в возрасте от 16 до 60 лет должен был в случае войны взяться за оружие, а каждый округ (17 трансваальских и 14 – из Оранжевого государства) – выставить «коммандо».

«Коммандо» представляла собой основную тактическую единицу бурского ополчения, как правило, приблизительно соответствующую батальону. Численность армии буров на протяжении всей войны не превышала 40 тысяч человек. Помимо этого, на стороне буров воевали 13 иностранных добровольческих отрядов, первоначально объединенных в Европейский легион (командир – французский полковник Вильбоа-Морель, затем русский полковник Евгений Максимов). Общая численность легионеров (голландцев, французов, немцев, американцев, итальянцев, шведов, ирландцев и русских) составляла чуть менее 2000 человек. В начале войны трансваальскими вооруженными силами руководил командант-генерал Питер Жубер (верховным главнокомандующим был президент Пауль Крюгер), а во главе армии Оранжевого государства стоял командант Пит Кронье.

К слову, симпатии всего мира были тогда на стороне африканеров. Петербургская газета «Новое время» в октябре 1898 года писала: «Прямые религиозные фермеры, решившие своей кровью отстоять свободу Отечества, всегда будут ближе сердцу святой Руси, чем наш исконный враг – холодная и эгоистичная Англия. По своей глубокой вере в Бога буры нам родные братья».

С самого начала боевых действий буры проявили отменные боевые качества, что и неудивительно, ведь с самого детства африканеры приучались метко стрелять и превосходно держаться в седле. К отрицательным сторонам ополченцев иностранные военные специалисты того времени относили недостаток дисциплины, отсутствие стратегического мышления, пассивную тактику. Некоторых иностранных инструкторов прямо-таки раздражала нарочитая религиозность буров, которая со стороны воспринималась как пережиток средневековья: перед каждым сражением и после каждого боя буры истово молились и пели псалмы.

Конечно, довольно сложно назвать совокупность бурских «коммандо» полноценной армией. В сущности, это были полу-партизанские формирования, но потому-то буры и смогли в течение определенного времени наносить армии могущественной Британской Империи болезненные удары. Что касается религиозности африканеров, то и ее можно признать положительным фактором. В силу фаталистической направленности кальвинизма, буры воспринимали все победы и, главное, поражения совершенно спокойно, как неизбежное и данное Свыше. Поэтому, в их рядах никогда не находилось место панике и сомнениям.

Кроме того, явной заслугой буров является «изобретение» траншей. И вообще Англо-Бурская война коренным образом повлияла на всю последующую историю военного искусства: именно в Южной Африке впервые в широком масштабе были применены пулеметы, бронепоезда, беспроволочный телеграф, появились шрапнель и бездымный порох, сомкнутые колонны войск уступили место рассыпному строю. Тогда же был введен и защитный цвет хаки, в который потом оделись все армии мира. С этой войны среди курящих появилась фраза: «Третий не прикуривает» (считалось, что, когда в распоряжении англичан зажигалась спичка, бур хватался за винтовку, когда прикуривал второй – целился, а когда третий – стрелял).

Самое же трагическое и известное «достижение» англичан – изобретение концентрационных лагерей, в которые сгонялось гражданское население страны (старики, дети и женщины), чтобы вынудить буров отказаться от партизанской войны. Официально они цинично именовались «местами для спасения» («refuges»). Сеть таких лагерей была покрыта вся Южная Африка (всего было открыто около 60 концлагерей). Туда согнали 200 тысяч мирных и беззащитных людей, 80 тысяч из которых составляли якобы «спасаемые от рабства» негры. Все они были обречены на страшные мучения от палящего солнца, жажды и голода. Общее число погибших составило 14 % от общего населения бурских республик. Умерло 26 тысяч бурских женщин и детей (при этом, на полях сражений пало 6 тысяч бурских воинов и 22 тысячи англичан). Британцы специально отравляли в лагерях воду, подбрасывали в пищу ры-

боловные крючки и толченное стекло. Для того, чтобы еще более унижить несчастных узников, англичане активно привлекали к охране лагерей негров. Уинстон Черчилль – тогда военный журналист – отмечал: «Есть только один способ сломить сопротивление буров – жестокое подавление. Иначе говоря, нам следует убить родителей, чтобы добиться уважения детей».

Поскольку ход боевых действий многократно описан в отечественной литературе, мы не будем здесь подробно останавливаться на перипетиях этой войны. Отметим лишь, что в течение первого периода войны (11 октября-февраль 1900 года) буры вели активные наступательные действия на территории Натала и в Капской колонии, а в ходе второго периода войны (февраль-май 1900 года) успех сопутствовал англичанам. На завершающем этапе войны, которая окончилась в мае 1902 года, буры вели против оккупантов партизанскую борьбу. В этот период отлично проявили себя отряды под командованием таких командиров, как генералы Пит де ла Рей (его «командо» пленила гарнизон из 500 британских солдат в городе Линдлей), Луис Бота (действовал вдоль железной дороги Претория – побережье залива Делагоа), Джеймс Герцог, Христиан де Вет, Ян Смете. Англичане противопоставили партизанской войне концлагеря (пленных буров-мужчин оккупанты отправляли в лагеря на территории Индии, Цейлона и других колоний) и тактику выжженной земли. Цветущая страна превратилась в выжженную пустыню, покрытую сетью крепостей-блокгаузов.

Громадное превосходство английских вооруженных сил и варварские расправы, в конце концов, заставили буров отказаться от сопротивления. Кроме того, англичане пообещали бурам сохранить их самоуправление в бывших республиках, уравнивать их в правах с англичанами в Капской колонии, компенсировать реквизированное хозяйство, выдать субсидии на восстановление ферм и амнистировать всех участников вооруженной борьбы. Мнения бурских лидеров разделились, но большинство (Л. Бота, Я. Смэтс, Дж. де ла Рей) выступило за заключение мира на условиях англичан. 31 мая 1902 года в Ференихинге был подписан мирный договор.

После поражения бурских республик под властью Великобритании оказался весь южноафриканский регион (за исключением, разумеется, Германской юго-западной Африки), который делился на семь различных колоний с собственными правительствами. Четыре из них (Капская колония, Наталь, Колония Оранжевой реки и Трансвааль) 31 мая 1910 года объединились в Южно-Африканский Союз (ЮАС), а в трех других территориях – Басутоленде, Свазиленде и Бечуаналенде – белых поселенцев не было (по каким-то причинам правительство Великобритании не согласилось на включение этих колоний в состав ЮАС).

Условия мирного договора 1902 года были выполнены далеко не во всем. Положение в сельских районах оставалось крайне тяжелым. Фермеры испытывали нехватку тяглового скота, семян инвентаря и строительного материала. Достать все это можно было только по спекулятивным ценам. Компенсация, выплаченная бурам, была крайне мала. Комиссии военного ведомства под всевозможными предлогами отказывались оплачивать расписки, выданные фермерам за годы войны армейскими службами в связи с конфискацией скота и другой собственности. К тому же сильнейшая засуха уничтожила большую часть первого послевоенного урожая. В итоге значительное число фермеров разорилось, и было вынуждено продать свои земли.

Серия мировых экономических кризисов начала XX века также вела к обнищанию. Кроме того, британские власти встали перед необходимостью удешевления производства. Эта задача была решена путем массового ввоза дешевой китайской рабочей силы. Первая партия китайцев прибыла в Южную Африку в июне 1904 года. К концу года на шахтах Трансвааля работало 20 тысяч, а к концу 1905 года – 47 тысячи китайцев. В дальнейшем их численность росла, достигнув в 1907 году 54 тысяч человек.

Применение китайского труда вызвало яростное противодействие со стороны малоимущего европейского населения страны, прежде всего, африканеров. Многие предсказывали, что подобная политика неизбежно приведет к росту небелого населения и ослаблению позиции белых. Действительно, со временем часть китайцев внедрилась в сферу торговли и услуг, и через некоторое время составила серьезную конкуренцию белым торговцам и предпринимателям.

Англичане продолжали культурно подавлять африканеров, а в некоторых городах Наталя и Капской колонии были даже введены штрафы за использование языка африкаанс. Насильственную англизацию поначалу пытались проводить и на территориях бывших республик. Дискриминация буров ставила их едва ли не в положение цветного и черного населения, что еще больше унижало африканеров. Верховный комиссар Великобритании в Южной Африке лорд Милнер писал: «С политической точки зрения я придаю самое важное значение росту британского населения... Если через десять лет на трех представителей британской расы будет приходиться по два бура, страна окажется в безопасности и сможет процветать...».

Буры не желали мириться с таким положением дел и постоянно пытались отстоять свою культурную независимость и самобытность. В 1905 году в Трансваале была создана Народная партия («Хетт Фолк»), которую возглавили выдающиеся военные вожди буров Луис Бота и Ян Сметс. Они развернули кампанию по разоблачению «капиталистического заговора с целью ввоза азиатов в ущерб белым», провозгласили борьбу за национальное образование, выдвинули лозунг создания африканерской идеи. При этом они выступали за объединение белых южноафриканцев под Британской короной и за создание доминиона. На выборах в трансваальский парламент в 1907 году «Хетт Фолк» получила 37 мест из 69.

В мае 1906 года в провинции Оранжевой реки возникла африканерская партия Оранжевый Союз («Оранжи Уни»). Его возглавили генералы Джеймс Герцог, Абрахам Фишер и Христиан де Вет. На выборах 1907 года партия получила 31 место в парламенте, а Фишер стал премьер-министром. Лидеры партии выступали за параллельное существование в Южной Африке двух белых потоков – африканерского и английского, которые не пересекались бы.

В Натале аналогичная организация – Бурский конгресс – была создана еще в марте 1906 года. В ноябре 1911 года «Хетт Фолк», «Оранжи Уни» и Бурский конгресс объединились в Южноафриканскую национальную партию во главе с Л. Ботой.

Идеологическое обоснование африканерского национализма разработал теолог, поэт и пастор Реформаторской церкви Южной Африки Якоб дю Тойт (Тотиус), опиравшийся на учение Пауля Крюгера. Тотиус утверждал, что Бог преднамеренно обрек бурский народ на страдания и лишения, поскольку только через испытания он мог получить свое национальное самосознание. Вместе с Тойтом неоортодоксальный кальвинизм разрабатывал также его зять В. Постма. В своей работе «Допперы» он описал идеального африканера. «Бурский народ – богоизбранный народ, он пришел на эту землю с предназначением установить и расширить влияние Царства Божия; ему предстояло уничтожить царство тьмы и открыть правду язычникам», – писал Постма. В области политики он уделил основное внимание критике капитализма и социализма, считая, что поскольку второй вытекает из первого и обязательно ведет к нигилизму и безверию, следует отвергнуть обе системы как неприемлемые. Выдвинутая Постмой теория «христианского национализма» впоследствии легла в основу общественного развития Южной Африки в рамках апартеида.

Наиболее непримиримым лидером африканеров стал Д. Герцог провозгласивший курс на изоляционизм своей нации. У Герцога были веские причины ненавидеть англичан: во время войны в концлагере погиб его сын (британцы не постеснялись даже опубликовать официальное извещение об этом, гласившее: «В Порт-Элизабет

умер военнопленный Д. Герцог в возрасте восьми лет»). Когда в 1907 году бывшие бурские республики получили самоуправление, Герцог стал высшим чиновником органов юстиции и министром образования Колонии Оранжевой реки. В 1909 году он вошел в состав конвента, который разработал конституцию Южно-Африканского Союза, после образования которого стал министром юстиции в первом правительстве ЮАС.

Глава вторая. Рождение государства

Создание Южно-Африканского Союза – доминиона Великобритании – было официально провозглашено 31 мая 1910 года. Положения конституции обеспечивали равенство обоих официальных языков – английского и голландского (после 1925 года – языка африкаанс), и гарантировали избирательные права лишь тем цветным и черным жителям Капской провинции, которые соответствовали имущественному и образовательному цензам. Черные и цветные граждане других провинций избирательных прав не имели, а белые женщины получили избирательное право только в 1930 году. Как и в период существования самоуправляющихся колоний, при определении размеров избирательных округов сельские районы оказывались в более выгодном положении по сравнению с городскими. Это обстоятельство в будущем давало преимущества африканерам. Конституция сохранила за европейской общиной политическую власть, поскольку среди избирателей было 93% белых, а черные и цветные не могли быть депутатами парламента. В каждой провинции продолжали действовать избирательные законы колониальных времен, запрещавшие небелым гражданам какое-либо участие в политической жизни (кроме Капской провинции и в небольшой степени – Наталья).

Первое правительство ЮАС возглавил представитель Трансвааля генерал Луис Бота. Заместителем премьер-министра стал генерал Ян Смэтс (он также одновременно возглавлял министерства обороны, внутренних дел и горное министерство). В первый кабинет вошли, разумеется, и представители английского населения Южной Африки. Британским генерал-губернатором Южной Африки был назначен Герберт Джон Гладстон.

Свою главную задачу Бота видел в примирении обеих белых общин и в установлении тесного сотрудничества с Великобританией. Вскоре среди африканеров возникли разногласия по поводу отношения к подобной политике. Резко выступал против «рenegатов» и их примиренческого курса Герцог, и большинство буров соглашались с ним (так, 28 декабря 1912 года в Претории прошел многотысячный митинг в поддержку этого популярного лидера). На стороне непримиримого министра выступала и такая влиятельная организация, как Южноафриканская академия языка, литературы и культуры, а также большинство священнослужителей. В итоге Герцог под давлением Боты был вынужден подать в отставку. Тогда же на состоявшемся конгрессе Национальной южноафриканской партии триумvirат, в который вошли Герцог, Штейн (бывший президент Оранжевой республики) и де Вет, потребовал исключить из организации Боту и Смэтса. Однако в результате голосования партию покинули они сами и подавляющее большинство их сторонников (в основном из Оранжевой провинции).

В 1913 году Герцог создал собственную Национальную партию, и провозгласил свою программу. Жизнь африканеров, по мысли Герцога, должна развиваться на основании христианского национализма, что означало господство белого населения над цветными и черными в духе «христианской опеки», и строжайшее запрещение всяких попыток расового смешения. Кроме этого, Герцог выступал за официальное признание языка африкаанс и за введение в ЮАС собственного национального флага.

Еще более серьезные разногласия возникли в южноафриканском правительстве и обществе, когда разразилась Первая мировая война. В 1914 году Бота заявил о намерении вступить в боевые действия на стороне Великобритании, а затем без согласования с правительством объявил Германии войну. Бурское население охватило широкие антивоенные настроения, всюду проходили митинги протеста. Под руководством Национальной партии африканеры подняли восстание, которое достигло наибольшего размаха в Оранжевом свободном государстве. К восстанию присоединилась большая группа бывших бурских генералов, 7 тысяч буров из Оранжевой провинции и 3 тысячи из Трансвааля.

Главнокомандующий вооруженными силами ЮАС генерал Кристиан Байере в знак протеста против непопулярного решения правительства подал в отставку, заявив при этом: «Говорят, что война ведется против «варварства» немцев. Мы простили, но еще не забыли все те варварства, какие были совершены в нашей собственной стране во время южно-африканской войны. Между тем, немцы не сделали нам ничего плохого».

Генерал Мани Мариц, командующий войсками ЮАС на границе с Германской юго-западной Африкой, и вовсе отказался подчиниться приказу о переходе в наступление против немцев. Более того, он перешел на их сторону с намерением воссоздать «свободную бурскую республику». В состав временного правительства должны были войти генералы Байере, де Вет, Кемп, Мариц и Безуйденхут. Мариц выпустил декларацию, в которой говорилось: «Известно, что во многих случаях враг вооружал для войны с нами туземцев, и поскольку это делалось с целью возбудить в черных народах презрение к белому человеку, мы поэтому строжайше предупреждаем, что все цветные и туземцы, которые будут захвачены нами в плен с оружием в руках, так же как и их офицеры, поплатятся за это жизнью». Надвигалась угроза очередной Англо-Бурской войны.

14 октября страна была объявлена на военном положении. 27 октября войска, которыми командовал лично Бота, разгромили отряды Байерса в Растембурге. 7 ноября боевые действия начали повстанческие отряды генерала де Вета в Вимбурге. Де Вету удалось одержать победу над правительственными силами генерала Кронье. Решающее сражение произошло у Маргварда 12 ноября. Войсками Союза командовал Бота, повстанцами – де Вет. В итоге, мятежники потерпели сокрушительное поражение. Сам де Вет 1 декабря был пленен вместе с арьергардом из 50 буров. 9 ноября во время отступления в Трансвааль трагически погиб генерал Байере. К январю 1915 года войска Союза подавили рассеянные по разным местам силы повстанцев. Многие сотни буров были брошены за решетку.

5 января 1915 года войска ЮАС под командованием Боты начали вторжение в Германскую Африку. Не надо и говорить, что это было воспринято немцами как предательство, ведь Германия всегда поддерживала буров в борьбе против Англии. И вот теперь не без труда подавив восстание и на вербовав некоторое количество разорившихся фермеров (в качестве притягательного средства им были обещаны плантации и фермы Юго-Западной Африки), южноафриканские отряды выступили против своих братьев.

За тридцать лет колонизации немцы добились на этой земле довольно внушительных успехов. В течение продолжительного времени они боролись с местными племенами, подзуживаемыми англичанами. В начале 1904 года в районе города Окаханджо вспыхнуло крупное восстание племен гереро. Численность мятежников составила около 8 тысяч человек, причем половина из них была вооружена огнестрельным оружием (которое «услужливо» поставила Великобритания). Повстанцам удалось осадить столицу колонии Виндхук. Параллельно с этим они вырезали белых фермеров, сжигали их хозяйства. 11 июня в Юго-Западную Африку прибыл генерал-майор Леопольд фон Трота, принявший на себя командование войсками. К началу 1905

года германские отряды фон Троты и губернатора Генриха Геринга (отца будущего гитлеровского рейхсмаршала) одержали решающую победу. В итоге погибло более трех четвертей всего племени гереро – около 50 тысяч человек. Но в этот момент британцам удалось соблазнить на восстание другой автохтонный народ – готтентотов. 17-тысячным войскам фон Троты удалось справиться с мятежниками лишь в 1907 году.

К 1913 году число белых поселенцев составляло здесь почти 15 тысяч человек, а в районе Виндхука проживало также около 3000 цветных – потомков смешанных браков, переселившихся из Капской колонии. Основным занятием колонистов было фермерство (к началу войны насчитывалось до тысячи фермерских хозяйств): выращивалась пшеница, кукуруза, картофель и табак, имелись плантации хлопка и виноградников. Имелись в колонии и минеральные богатства (медь и свинец). В июле 1908 года в районе бухты Людериц были открыты месторождения алмазов, вскоре ставшие одним из основных предметов экспорта колонии. Активно развивалась железнодорожная сеть. Понятно, что эта территория стала лакомым куском для Британской империи.

К началу войны германские вооруженные силы насчитывали здесь 1967 солдат и офицеров. Кроме того, 600 белых и 870 африканцев служили в полиции. В случае войны предусматривалась мобилизация трех тысяч мужчин-колонистов и нескольких тысяч туземных солдат.

Наступление южноафриканских сил в 1915 году было быстрым и победоносным, несмотря на тяжелые условия. Основную массу войск вторжения (на заключительном этапе они достигали 60 тысяч человек) составляли бурские милиционные части. Южноафриканцы наступали тремя колоннами: с юга вдоль побережья, с территории бывшей Оранжевой республики и с востока из Бечуаленда. Цель наступления – столица Виндхук – была взята 12 мая 1915 года. Остатки германских войск, развязавшие партизанскую войну, были вынуждены капитулировать 9 июля. Победа была достигнута с минимальными жертвами с обеих сторон. После окончания войны Лига наций вручила Южно-Африканскому Союзу мандат на управление этой территорией.

Помимо Юго-Западной Африки Германия обладала на континенте еще тремя колониями: Того, Камеруном и Восточной Африкой. Того была быстро оккупирована британскими и французскими войсками уже во вторую неделю августа 1914 года. Борьба в Камеруне носила более затяжной характер. Сильные немецкие гарнизоны находились в Бонабери и Дуале. Но к июню 1915 года французы и британцы одержали победу и здесь. В захвате Камеруна принимала участие также бельгийская армия. Боевые действия в Восточной Африке начались в конце сентября наступлением германских войск на британские владения. Британская армия, которой командовал генерал Смэтс, одержала здесь победу к началу июня 1915 года. Однако немцы под руководством генерала Пауля фон Леттофа-Форбека развернули партизанскую войну, которая окончилась лишь в 1918 году, когда Германская Империя потерпела поражение в Европе.

Несмотря на антибританскую позицию Национальной партии, ее, как ни странно, запрещать не стали. Более того, в 1915 году она получила статус официальной оппозиционной партии в парламенте, где в 1917 году призвала к выходу ЮАС из состава Британской империи. Поддержка Герцога со стороны буров все более возрастала.

5 июня 1918 года при участии Национальной партии и церкви была создана радикальная националистическая тайная организация, названная вначале «Молодая Южная Африка», а затем переименованная в «Африканер Брудербонд» (Союз братьев). Поводом для ее создания послужил разгон митинга африканеров 17 апреля, когда сторонники Национальной партии были избиты пробритански настроенной толпой.

Целью «Брудербонда» стало утверждение африканерского национализма во всех отраслях и любыми способами. Со временем «Брудербонд» превратился в весьма влиятельную силу в стране, содействующую продвижению своих членов на ключевые посты в стране для содействия процветания нации. Первым президентом «Брудербонда» стал пастор Голландской реформаторской церкви Й. Нод (Науде). Организация стала центром разработки политической доктрины африканерского национализма.

Африканеры постепенно расширяли свое влияние и в, казалось бы, утраченной для них Капской провинции. В июле 1915 года здесь была основана первая африканерская национальная газета «Бургер», первым редактором которой стал д-р Даниэль Франсуа Малан, до этого – видная фигура в Голландской реформаторской церкви, оставивший кафедру ради политической деятельности. В сентябре 1915 года в Мидлберге прошел учредительный съезд Национальной партии, избравший Малану первым председателем отделения организации в Капской провинции. В 1918 году Малан был избран в парламент ЮАС и вступил в «Брудербонд».

Напротив, партия Л. Боты утратила популярность среди африканеров, стала больше опираться на англоязычных избирателей и имущие сословия. В 1919 году после возвращения с Парижской мирной конференции Бота умер. Его преемником на посту главы правительства ЮАС стал Ян Смэтс. В годы войны он возглавлял вооруженные силы ЮАС, с 1917 по 1919 годы являлся одним из пяти членов Британского военного кабинета, участвовал в создании Королевских Военно-воздушных сил, руководил действиями войск по захвату Германской Восточной Африки.

Смэтс попытался достигнуть того, чего не смог сделать Бота: примирить, наконец, враждующие белые общины страны. В качестве почвы для создания белого единства премьер-министр избрал ужесточение расового законодательства. Он заявлял: «Есть одна вещь, относительно которой единодушны все южноафриканцы, не считая сумасшедших: это факт существования политики, которую не следует менять никогда. Суть ее заключается в сохранении главенствующего положения белых в Южной Африке». К слову, именно Смэтс впервые употребил слово «апартеид» (в своей речи в парламенте в 1917 году).

Надо отметить, что еще до этого с целью сохранения привилегированного положения белого населения были приняты соответствующие законы. В 1911 году был принят акт, по которому определенные должности в горнодобывающей промышленности могли занимать только белые. В 1913 году вступил в силу закон «О землях туземцев», закрепивший принцип раздельного проживания африканцев и белых. Согласно этому закону, африканцам запрещалось владеть землей или постоянно проживать за пределами отведенных им резерватов, занимавших менее 13% территории ЮАС. В 1919 по решению правительства система белого протекционизма была распространена на ряд отраслей промышленности, созданных во время Первой мировой войны.

Гораздо меньшей популярностью пользовался экономический курс Смэтса. Он не смог разрешить болезненный вопрос с золотодобывающими шахтами, владельцы которых в стремлении повысить свои доходы увольняли белых горняков и набирали низкооплачиваемых негров и азиатов. В 1922 белые горняки Витватерсранда объявили всеобщую забастовку. По приказу Смэтса стачка была жестоко подавлена войсками и полицией. Африканерские газеты начали открыто именовать Смэтса «изменником», «предателем священных идеалов» и «подручным Империи». После этих событий был сформирован альянс между функционерами белых профсоюзов, фермерами-африканерами и неимущим белым населением. В 1924 этот альянс во главе с Национальной партией победил на всеобщих выборах.

Глава третья. Внутренние противоречия

В течение следующих пятнадцати лет премьер-министром ЮАС был Джеймс Герцог. Первым делом он амнистировал и освободил из заключения всех участников восстания 1914 года. В 1925 году африкаанс, наконец, был признан одним из официальных языков Южной Африки, наряду с английским и голландским. А в 1927 году исполнилась другая мечта Герцога – у ЮАС появился собственный национальный флаг (правда, он вывешивался одновременно с британским «Юнион Джеком»).

Флаг Южной Африки символически олицетворял всю историю африканерской нации. Во-первых, он восходил к событиям освободительной революции XVI века в Голландии. На флаге восставших против испанского ига дворян и нищих появились родовые цвета их вождя Вильгельма Оранского – оранжевый, белый и синий. Хотя в самой Голландии в 1630 году верхняя, оранжевая, полоса была заменена красной, флаг Ост-Индской компании и ее южноафриканского владения долго не менялся.

Во-вторых, флаг ЮАС включил в себя расположенные в центре полотнища небольшие изображения флагов Оранжевого свободного государства, республики Трансвааль и Великобритании. Флаг Оранжевой республики, учрежденный в 1856 году, представлял собой белое полотнище с тремя горизонтальными оранжевыми полосами в честь Вильгельма Оранского и с флагом Нидерландов 1630 года в верхнем углу у древка. Флаг Трансвааля «фирклёр» по статуту 1857 года был сходен с нидерландским 1630 года, за исключением широкой вертикальной зеленой полосы вдоль древка, символизирующей «молодую Голландию».

Утолив национальную гордость буров, правительство Герцога принялось активно обеспечивать и закреплять превосходство белой расы. Было создано Министерство труда, с целью проявлять заботу об удовлетворении требований белых рабочих и ограждения их от любой конкуренции со стороны цветных и негров. Неквалифицированные африканские рабочие на железнодорожном строительстве и других государственных предприятиях были заменены белыми безработными. Был установлен «цветной барьер» на рудниках – некоторые категории квалифицированного и полуквалифицированного труда отныне резервировались только для белых. «Закон о примирении (арбитраже) в промышленности» и вовсе исключил африканцев из категории рабочих и служащих. В 1927 году был принят закон, запрещающий «безнравственные отношения» между европейцами и африканцами.

В 1929 году вышел закон о туземных городских округах. Африканцы теряли право беспрепятственного передвижения и нахождения в «белой черте» городов. Правительство получило еще больше полномочий контролировать приток африканцев в города. В этих целях использовалась сохранившаяся еще с колониальных времен система пропусков. Работающим в городе африканцам предписывалось жить в специальных поселениях за чертой города. В том же году Национальная партия под лозунгом «Защитим нашу страну от черной опасности!» вновь выиграла выборы.

Надо отметить, что расовая политика правительства Герцога встретила самое активное одобрение реформаторских церквей страны, представители которых продолжали разрабатывать теологическое обоснование сегрегации. В одной из брошюр, изданной Голландской реформаторской церковью, подчеркивалось, что при изучении истории особое внимание должно уделяться «великой антитезе между Царством Божиим Иисуса Христа и царством тьмы, затрагивающим все и вся». Далее утверждалось, что Господь «пожелал разделить нации и народы, и наделил каждый отдельный народ своим призванием, задачами и способностями».

Упомянутый выше пастор Я. дю Тойт (Тотиус) заявлял, что расовая сегрегация служит отражением не только бурской традиции, но и Божественной воли. В качестве доказательства он приводил следующие цитаты из Библии: «Сойдем же и смешаем

там язык их, так, чтобы один не понимал другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле...» (Бытие, 11:7,8); «Когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов по числу сынов израилевых» (Второзаконие, 32:8). Книга «Деяний святых Апостолов», по мнению Тотиуса, не оставляла никаких сомнений относительно намерений Господних: «От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию» (17:26).

В 1932 году церковь начала регулярно посылать к правительству синодальные делегации с петициями, в которых требовалось введение в стране политики разделения (апартеида). Историк В. де Клерк отмечал: «Политическая сфера деятельности африканеров медленно, но неизбежно переходила в руки богословов... Национальная партия сама также постепенно становилась если не церковью, то организацией, насыщенной религией до самого своего основания».

В период правления Герцога произошло существенное изменение политики Британии по отношению к своим доминионам. Согласно декларации лорда Бальфура, автономия Южно-Африканского Союза была значительно расширена. Правительство получило право самостоятельной внешнеполитической деятельности, в стране было создано Министерство иностранных дел. Великобритания лишь утверждала глав дипломатических миссий ЮАС за границей. Первым дипломатическим представителем, аккредитованным в ЮАС, стало посольство Голландии (1929). До 1931 года дипломатические миссии ЮАС были открыты в Гааге, Риме и Вашингтоне, а также, при Лиге Наций. В 1931 году Южно-Африканский Союз стал равноправным членом Британского содружества наций. В связи с этим расширился круг государств, подерживавших с ЮАС дипломатические и иные двусторонние отношения.

Все это существенно снизило напряженность в отношениях между англичанами и африканерами. Более того, один из наиболее непримиримых антибританских политиков Даниэль Малан в 1927 году даже заявил: «Сейчас мы уже видим в Англии не победительницу, а мать нашей свободы. Мы всем сердцем признаем великодушие Англии, и в результате между нами и Англией возникнет такая дружба, какой не было никогда раньше. Нет больше Британской Империи, а есть лишь союз свободных наций, в котором мы хотим остаться, так как он основан на дружбе и уважении интересов каждого». Правда, несколько позднее Малан вновь вернулся к антианглийской риторике.

В 1931 году, когда Великобритания отказалась от золотого стандарта, правительство ЮАС, исходя из экономических и политических соображений, отказалось следовать ее примеру. Это привело к истощению валютных резервов страны, и в декабре 1932 все-таки пришлось отказаться от золотого стандарта. Последовавший за этим быстрый рост добычи золота позволил перестроить Йоханнесбург и существенно повысить жизненный уровень белого населения.

Успешно разрешив и эту задачу, Герцог решил, что настало время объединить всех белых южноафриканцев в одну нацию, сковать их политически. С этой целью он назначил Яна Смэтса (ставшего признанным лидером англичан, крупной буржуазии, алмазодобытчиков и золотопромышленников) вице-премьером, а в 1934 году произошло слияние Южноафриканской и Национальной партий в Объединенную южноафриканскую национальную партию. Смэтс воспринял как должное повышение в стране роли белых и с удовлетворением согласился поддержать Герцога в его намерении еще больше ограничить права африканского населения. Новая партия одержала победы с большим перевесом на выборах 1934 и 1938 и благополучно продержалась у власти до начала Второй мировой войны.

Казалось бы, успешный курс Герцога фактически привел к созданию того государства, о котором давно мечтали буры. Африканеры сохранили свою культурную само-

бытность, членство Южно-Африканского Союза в Британском Содружестве наций ни в какой степени не ограничивало его суверенитет, уровень жизни всего белого населения был поднят, а подавляющее число мест в парламенте и правительстве занимали члены Национальной партии. Почему же считается, что фактическую независимость страна обрела только в 1948 году (формальную – в 1961)? Дело в том, что окончательного примирения нации Герцогу достичь так и не удалось. О полной независимости от Британии речь также идти пока не могла, что и показали последующие события.

Как только Герцог и Сметс объединились в коалиционном правительстве, начали раздаваться возмущенные голоса английских и африканерских радикалов. Полковник Сталлард создал Юнионистскую партию для защиты интересов англо-африканцев. Непримируемую позицию занял и Даниэль Малан (он занимал в кабинете Герцога посты министра внутренних дел, здравоохранения и образования), подавший в отставку и объявивший о создании оппозиционной «очищенной» партии – Восстановленной национальной партии, продолжающей отстаивать радикальный африканерский национализм. Малана поддержал также «Брудербонд», который к этому времени стал особенно политизированным и влиятельным.

Надо отметить, что «Брудербонд», будучи с 1921 года секретной организацией, строился по принципу «домино», и многие его рядовые члены не имели понятия, кто является национальным или даже районным лидером. Этот принцип был, по сути, скопирован руководством союза у масонов (орденскими ритуалами была обставлена и процедура принятия в организацию), при этом цели «Брудербонда», были, разумеется, диаметрально противоположны задачам «вольных каменщиков».

Совершенствовалась структура союза. Руководящими органами «Брудербонда» были Национальный конгресс, созываемый раз в два года, и районные конференции. Делегатами конгресса могли быть только члены исполнительного комитета (6 человек) и руководители отделений организации. Они определяли политическую линию, утверждали бюджет и кандидатуру председателя «Брудербонда». Помимо этого, было организовано несколько комитетов, которые разрабатывали политику по отношению к африканцам, цветным, индийцам, молодежи, развитию сельского хозяйства, связям с прессой и церковью и т.д.

«Брудербонд» создавал множество дочерних организаций, таких как Федерация африканерских культурных сообществ, и Экономический союз, ставивший задачу поднять жизненный уровень фермеров-африканеров. В ноябре 1935 года Герцог заявил, что новая партия Малана – это ни что иное, как видимая часть «Брудербонда».

Союзниками Малана стали и соратники целого ряда радикальных националистических организаций («Серые рубашки», «Бурская нация», «Новый порядок»), созданных преимущественно по образцу нацистских штурмовых отрядов. «Серые рубашки» под руководством Луи Вейхардта откололись от трансваальского отделения национальной партии в середине 1930х годов.

Симпатии к германскому национал-социализму вообще были в тот период чрезвычайно распространены в африканерском обществе. Премьер Герцог оказывал решительную поддержку Гитлеру в проведении кампании за возвращение Германии отнятых колоний, и считал национал-социализм идеологией, вполне соответствующей моральным и религиозным воззрениям африканеров. Министр юстиции и обороны Освальд Пироу несколько раз посещал Европу, где засвидетельствовал почтение Гитлеру, Герингу, Муссолини и Франко.

На территории ЮАС действовала Национал-социалистическая партия Южной Африки. Особенно активны были нацисты в Юго-Западной Африке, по-прежнему густо населенной немецкими колонистами. Здесь постоянно устраивались демонстрации, в

ходе которых митингующие нередко срывали с правительственных зданий британские флаги и вывешивали вместо них флаги Германии. В 1936 году правительство ЮАС назначило следственную комиссию, которая доложила о существовании развитой сети ячеек нацистской партии, групп «Имперского трудового фронта» и «Гитлерюгенда» не только в Юго-Западной Африке, но и в самом Союзе.

Нацистская доктрина «почвы и крови» обрела среди многих африканеров горячих сторонников. Распространен был также и антисемитизм. Малан, еще будучи министром внутренних дел, предложил закон об иммиграционных квотах, с целью резкого сокращения еврейской иммиграции (принят 1 мая 1930 года). Тем не менее, евреи продолжали приезжать в Южную Африку, особенно после прихода к власти нацистов. В 1933 году в ЮАС из Германии прибыло 624 иммигранта (из них 204 еврея), в 1934 – 1026 (из них 452 еврея), в 1935 – 996 (410 евреев), в 1936 – 3648 (2549 евреев).

С 1 ноября 1936 года вводились новые иммиграционные ограничения. Пока запрет не вошел в силу, 600 еврейских беженцев из Германии зафрахтовали судно «Штутгарт» и отправились в Южную Африку. Националисты тут же развернули мощную пропагандистскую кампанию, а когда 27 октября «Штутгарт» прибыл в Кейптаун, «Серые рубашки» устроили в городе грандиозный митинг протеста. Можно представить себе ощущения вырвавшихся из Германии евреев, когда, сойдя на землю, они увидели перед собой море знамен со свастикой, а беснующийся оратор д-р Т. Денгес (впоследствии министр финансов ЮАС) с импровизированной трибуны провозглашал: «Евреи – это не поддающийся ассимиляции элемент, в какой бы стране они не жили!».

В кампанию травли евреев включились и африканерские газеты. Редактор йоханнесбургской «Ди Трансваалер» д-р Хендрик Фервурд (будущий премьер-министр ЮАР) заявлял о необходимости сохранения пропорций участия в экономической жизни и предлагал систему квот для евреев во всех отраслях предпринимательства, иллюстрируя свои «построения» следующими фактами: «65 % юридических контор Йоханнесбурга принадлежат евреям, из адвокатов 45 % – евреи». К слову, противники Фервурда из англоязычной газеты «Стар» однажды написали, что ему духовно «ближе Берхтесгаден» (альпийская резиденция Гитлера), чем Южная Африка.

Другой будущий премьер-министр и президент ЮАР, Балтазар Форстер в те же годы перевел на африкаанс «Майн Кампф» и заявлял следующее: «Мы выступаем за христианский национализм, который является союзником национал-социализма. Если хотите, можете назвать его антидемократическим принципом диктатуры. В Италии это называют фашизмом, в Германии – национал-социализмом...».

Националисты требовали полного запрещения еврейской иммиграции, закрытие для евреев и «не ассимилирующихся» рас доступа к ряду профессий, запрета менять имена и фамилии, включения в избирательные списки только граждан ЮАС, исключая из них еще не натурализовавшихся евреев.

Во второй половине 1930-х годов было организовано Южно-Африканское христианское национал-социалистическое движение, возглавил которое Иоганнес фон Штраус фон Мольтке. Целью организации была «борьба за уничтожение развращающего влияния евреев в экономике, культуре, религии, этике и государственных делах и за восстановление европейского арийского контроля в Южной Африке на благо христианских народов».

Главным врагом радикальные националисты считали не просто «английский империализм», а «англо-еврейский империализм». Так, Малан утверждал, что Смэтс хочет превратить Южную Африку в придаток «еврейско-империалистической военной машины».

Воссоединенную национальную партию Малана поддержала также внушительная часть священнослужителей реформаторских церквей и межцерковные организации, такие как, например, Кальвинистская ассоциация Южной Африки и Федерация кальвинистских студенческих союзов. В этот период происходило активное проникновение в сферу теологии полуфашистских и крайне националистических тенденций. Особенно бурную деятельность развила группировка пасторов, получивших теологическое образование в университетах Германии, где они испытали сильное влияние философии Фихте. В эту группировку входил ряд профессоров Почефструмского университета, в частности, Я. дю Тойт. Они писали, что «африканерский кальвинист может искать и найти силу только в союзе с другими христианами – представителями народа, поскольку нашему существованию как народу различными путями угрожают империалисты, евреи, цветные, туземцы, индийцы, африканерские ренегаты и т.д. Всего лишь небольшая часть нашего народа по своей воле и осознанно принадлежит к кальвинистам, в то время как большая часть народа через его организации или вне их только интуитивно и непоследовательно является кальвинистами».

Подробное изложение позиции этих «неофихтеанцев» было дано в работах Николаса Йоханнеса Дидерихса, будущего президента ЮАР. В 1935 году он опубликовал книгу «Национализм как мировоззрение и его отношение к интернационализму». Дидерихс исходил из религиозного принципа верховенства всего духовного над материальным, утверждая, что концепция национализма, соответствует духовной сущности личности больше, нежели материалистический интернационализм. Дидерихс подчеркивал, что «без воспитательного, очищающего и обобщающего влияния высшей общности, куда мы все входим и которую называем нацией, человечество никогда не сможет достичь высот своего существования. Только в нации как наиболее полной и всеохватывающей человеческой общности может до конца осознать себя человеком конкретный индивид. Только через нацию осуществима индивидуальная жизнь».

Идеологи христианского национализма к середине 1930-х годов радикализировали свои требования об обособлении африканерской нации. В 1935 году Л. дю Плесси выдвинул концепцию африканеризации – самосохранения и самоуправления африканеров как независимого члена великой общности народов мира. Дю Плесси обосновывал необходимость установления в Южной Африке авторитарного режима, а в книге «Современное государство» определил кальвинизм как «нормативно установленный порядок». Здесь же он указывал в качестве образца на национал-социализм Гитлера.

В 1941 году один из лидеров «Брудербонда» П. Мейер опубликовал работу «Африканер», где в качестве основ африканерского образа жизни выдвинул патриархальную семью, республиканское государственное устройство и систему «опеки над южноафриканскими туземцами», а в качестве главных культурных ценностей – подчинение абсолютной и суверенной власти Бога, всеобщее экономическое благополучие, христианско-национальное образование и уникальность африканерского искусства и науки.

Желанию Смэтса и Герцога объединить англичан и африканеров в единую национальную общность противостояли не только группировки, представлявшие ультраправый лагерь, но и организации, ориентированные на Советский Союз и отрицавшие любой национализм в пользу «классовой борьбы». Среди европейского населения они не пользовались ни малейшей популярностью, зато обрели союзников в лице подавляемых масс черного и цветного населения. К ним тактически примыкали и чисто черные группы, стоявшие на позициях африканского расизма (например, Африканский национальный конгресс).

Практически с момента создания «первого в мире государства рабочих и крестьян» коммунистическая агентура, сплоченная под крылом Коминтерна, на разных континентах проводила подрывную деятельность, направленную, в конечном итоге, на

осуществление «мировой социалистической революции». Летом 1921 года в Кейптауне состоялся учредительный съезд Коммунистической партии Южной Африки, а уже через год эта организация стала «секцией» Коминтерна. Интересно, что поначалу КПЮА была небольшой группкой белых интеллигентов и квалифицированных рабочих, однако с середины 1920-х годов в ее ряды довольно активно начали вливаться и негры.

В 1929 году Коминтерн решительно потребовал от КПЮА развернуть «борьбу за независимую туземную республику». Большинство руководителей южноафриканских коммунистов из всех сил пытались бороться против этого лозунга, утверждая, что негры не способны на создание подобного государства. Но в 1930 году Президиум Коминтерна просто-напросто обязал КПЮА выполнить свое требование. Кроме того, руководителям КПЮА было сделано «серьезное внушение», их обвинили в оппортунизме и в том, что они не понимают «решающее значение гегемонии пролетариата». Создатель КПЮА Билл Эндрюс был назван шовинистом и расистом, и исключен из партии (новым лидером стал ставленник Москвы Дуглас Уолтон). Его соратник С. Бантинг (отдававший все свои деньги на издание партийной газеты) был окрещен «империалистическим кровососом лордом Бантингом» и исключен даже из общества «Друзья Советского Союза». Обвинения лидеров южноафриканских коммунистов в расизме было не таким уж далеким от истины. Показательно, что в ходе организации стачек они провозглашали такие, например, специфические лозунги: «Пролетарии, соединяйтесь и боритесь за белую Южную Африку!»

После проведения чистки и избавления от «старых кадров», Коминтерн значительно усилил финансирование КПЮА, потребовав, что «борьба должна вестись не петициями, а по-революционному».

Тем не менее, и в дальнейшем некоторые руководители местных коммунистов пытались противостоять «механическому переносу на Южную Африку опыта классово-борьбы в европейских странах». Они полагали, что КПЮА «оторвалась от реальной действительности, мы слишком увлеклись теорией, и наша теория мало связана с жизнью».

Любопытно, что перед самым началом Второй мировой войны Коминтерн резко изменил свою политику. Лозунг о «независимой туземной республике» был признан, наконец, ошибочным, сектантским и отгораживающим КПЮА «от широких демократических масс» (которых в Южной Африке на самом деле не было). Были установлены связи с другими политическими организациями, в первую очередь, с Африканским национальным конгрессом (что раньше считалось «оппортунизмом»). На этот раз из партии были исключены сторонники «независимости туземцев», такие как Лазарь Бах и братья Рихтеры. Их вызвали в Москву, арестовали, судили по 58 («контрреволюционной») статье, сослали на Колыму, а затем расстреляли.

Смена позиции была мотивирована тем, что собственно негры (причем не только в Африке, но и в Америке) якобы не сумели оправдать возлагавшихся на них надежд. О Негритянском бюро при Коминтерне в «Кратком обзоре», подготовленном в тот период, было сказано: «влачило жалкое существование и в настоящее время требует реорганизации и укрепления. Негритянская комиссия Англо-Американского секретариата не работала совершенно».

В Москве африканцев готовили для подрывной деятельности еще с начала 1920-х годов в Коммунистическом Университете Трудящихся Востока. Представитель КПЮА в СССР писал председателю партии Б. Эндрюсу: «Университет вырастет в грандиозную Мекку для юных туземных борцов Востока и Африки. Там они подготовятся не только для борьбы, но и для коммунистического преобразования всего мира на долгие будущие годы». Это письмо вместе с другими документами КПЮА было захваче-

но южноафриканской полицией в марте 1922 года. Его сразу же опубликовали в брошюре «Красная угроза. С чувством тревоги».

Верховный комиссар ЮАС в Лондоне в письме к Яну Сметсу отмечал: «Я на днях видел отчет, где говорилось, что несколько наших кафров уже посланы в Москву для обучения в большевистской школе, чтобы сделать из них большевистских миссионеров для их собственных народов».

Показательно, что многие негры, прошедшие в СССР через «большевистскую промывку мозгов», вовсе не превратились в убежденных коммунистов. Про одного из таких учеников в характеристике, данной преподавателями Коммунистического Университета, было сказано: «Пользуется большим влиянием в секции... Выступает открыто антисоветски. Часто высказывает националистические идеи вредного сорта и в ошибках упорствует. Например, долго отстаивал, что Африку надо видеть «как целое», так же как и отдельные колонии, не выделяя туземных народов отдельно. Ненавидит всех белых, включая нас. Заявил, что коммунисты относятся к неграм не лучше, чем белые вообще, что с коммунистами надо бороться». Примерно аналогичный отзыв был составлен и о будущем лидере КПЮА Джоне Марксе.

Таким образом, СССР способствовал формированию монстра черного расизма. Коммунисты активно «будили самосознание негров», но марксистские лозунги и догмы были для африканцев просто непонятны, и они быстро превращались в черных шовинистов, обученных к тому же шпионским приемам конспирации и террористической деятельности. Кстати, некоторые белые южноафриканские коммунисты не раз предостерегали своих хозяев в Москве об опасности пробуждения черного расизма. Один из них писал: «Негритянский расовый вопрос имеет сомнительную революционную ценность и может вызвать определенный контрреволюционный эффект, подобно сионизму. «Назад в Африку», – это расистский лозунг, контратака на нашу пропаганду среди рабочих-банту (в Южной Африке под термином «банту» подразумевались представители негритянской расы к югу от экватора – авт.). Расовая солидарность используется для контрреволюционных целей».

На европейское население ЮАС коммунисты, как уже было сказано, не оказывали никакого влияния. Жизненный уровень белых рабочих в ЮАС стал уже к середине 1920-х годов гораздо выше, чем где бы то ни было в мире. В одном из докладов КПЮА еще в 1921 году констатировалось: «Нигде больше нет такой остроты проблемы взаимоотношений двух потоков рабочего класса с большой разницей жизненных уровней, что приводит к появлению расовых предрассудков и вражды, накладывающейся на классовую борьбу и мешающих ее развитию». К середине 1930-х годов КПЮА превратилась в маленькую маргинальную группу, состоявшую приблизительно из 150 человек, половина из которых были неграми. Африканерских и английских рабочих в партии практически не было. Европейская часть членов партии состояла в основном из евреев.

Африканерские рабочие не воспринимали популистскую пропаганду марксистов, поскольку безоговорочно поддерживали лозунги Национальной партии и церкви. Бурские идеологи утверждали, что труд рабочих и получение прибыли являются распоряжением и пожеланием Бога, и африканерские рабочие обязаны вкладывать свой труд и сбережения исключительно а предприятия буров. Классовые различия отрицались. Значительное участие в разработке рабочей теории принимал пастор Дж. Кестелл, который в 1930-е годы вел экономическую рубрику в газете «Ди Фольксблад». Он выступал одновременно против интернационализма, капитализма и империалистического порабощения со стороны Великобритании. Согласно Кестеллу, если африканерские рабочие эксплуатировались, «то не в силу своего классового положения, а лишь потому, что они являются африканерами». В качестве основы рабочей теории было выдвинуто Священное Писание. Рабочие являлись органической частью своей нации, поэтому их привязанности должны были находиться на

стороне народа, а не на стороне искусственно созданного класса, составленного из представителей различных (а иногда враждебных) наций, – утверждал Кестелл.

Глава четвертая. Южная Африка и Вторая мировая война

Разразившаяся в 1939 году Вторая мировая война наглядно продемонстрировала, насколько неоднородно и расколото было в тот момент общество в Южно-Африканском Союзе. Если англичане целиком и полностью находились на стороне метрополии, то африканеры симпатизировали Германии. Что касается негров, то для них война была чем-то абсолютно далеким; они совершенно не желали уезжать со своих насиженных мест, чтобы воевать за интересы ненавистных для них европейцев.

Раскол произошел и в самом правительстве. Ян Смэтс, как и во время Первой мировой войны, занял пробританскую позицию и вновь заявил о необходимости вступить в боевые действия на стороне Англии. Большинство министров решительно выступили за нейтралитет, а Герцог предложил заключить с Германией сепаратный мир. Незначительным большинством – 80 голосов против 67 – парламент поддержал Смэтса. Отношения ЮАС с Германией были разорваны, и 4 сентября Южная Африка вступила в войну на стороне Союзников. Раздосадованный Герцог подал в отставку, помирился с Маланом, и в дальнейшем выступал резко против Смэтса, который занял пост премьер-министра.

Смэтс, которому 28 мая 1941 года британский парламент присвоил звание фельд-маршала, занял пост советника по стратегическим вопросам при английском командовании. Он участвовал в разработке преамбулы Устава Организации Объединенных Наций. 1 января 1942 года Южная Африка стала одной из 26 стран, подписавших Декларацию о присоединении к Атлантической хартии. В октябре того же года, находясь в Великобритании, Смэтс обратился к членам английского парламента с призывом оказать всестороннюю помощь Советскому Союзу в его борьбе против фашизма.

С самого начала войны многочисленные африканерские партии и организации объединились в желании воспрепятствовать дальнейшему втягиванию ЮАС в войну на стороне Англии. Раздавались голоса, требовавшие восстания и свержения правительства «ренегата» Смэтса. Особенно активными были группы, находившиеся под контролем «Брудербонда». Руководство последнего связало «противоестественное» участие ЮАС в войне с деятельностью «франкмасонов». В решениях XIX ежегодной сессии исполнительного комитета «Брудербонда» (4-5 октября 1940 года) отмечалось враждебное отношение организации к «франкмасонству, особенно к империалистическому характеру его политики в Южной Африке... Исполнительный комитет выражает свое негативное отношение к тем членам союза, которые являются одновременно масонами, и объявляет, что такие лица будут подвергаться преследованиям. Исполнительный комитет далее отмечает настоятельную необходимость проведения тщательного расследования этого движения». Поскольку «Брудербонд» к этому времени установил жесткий контроль над реформаторскими церквями страны, к этим требованиям присоединились и многочисленные голоса священников.

Активную антибританскую позицию заняли и члены созданной «Брудербондом» 4 февраля 1939 года организации, которая называлась «Осеева Брандваг» (Ossewa Brandwag, ОБ – дословно «охрана фургонов, запряженных быками»). Организация возникла как результат широкого национального подъема африканеров, связанного с празднованием столетнего юбилея Великого Трека. В августе 1938 года запряженные быками фургоны выехали из Кейптауна направились на Север, в Преторию, где состоялись массовые торжества. По пути символическую процессию встречали одетые в традиционные костюмы африканеры. Но английская часть южноафрикан-

цев воспринимала подобные мероприятия в штыки. Радикалы нападали на юбилейные фургоны, избивали африканерских патриотов, в результате чего возникла необходимость в военизированной охране. «Осеева Брандваг» возглавил полковник Дж. Лаас, а затем Йоханнес Фредерик Ханс ван Ренсбург. Он преобразовал организацию в радикальную военизированную группу. В рамках ОБ было создано подразделение так называемых Штурмегерей, которое вызывало прямые ассоциации с отрядами гитлеровских коричневорубашечников (генералом Штурмегерей в округе Порт-Элизабет был Балтазар Форстер, будущий президент ЮАР).

К 1941 году в ОБ состояло более 350 тысяч членов, а Ренсбург начал открыто говорить о том, что африканеры в скором времени возьмут власть в свои руки, вышвырнут «клику Смэтса» вон из Южной Африки и выступят на стороне Германии, Целью движения он назвал саботаж военной политики правительства.

31 января 1941 года ван Ренсбург провел митинг в мэрии Йоханнесбурга, где повторил свои требования. В результате завязалась массовая потасовка между штурмегерями и солдатами, пытавшимися сорвать акцию ОБ. Побоище продолжалось 2 дня и кончилось лишь в воскресенье утром. По улицам носились бронемшины, толпы разъяренных солдат жгли редакцию африканерской газеты, опрокидывали полицейские автомобили. Полиция в эти дни встала на сторону Ренсбурга, ее руководство подстрекало штурмегерей к нападению на военнослужащих, помогала нападающим и даже руководила ими. Некоторые полицейские снабжали штурмегерей боеприпасами со слезоточивым газом. В результате 140 солдат были госпитализированы, а один умер от ран.

На этом Ренсбург не остановился и призвал своих подчиненных к диверсионной борьбе. Штурмегеря начали разрушать линии телеграфа и телефона, взрывать железнодорожные пути, устраивать акции «возмездия» против англичан.

В самой Воссозданной партии Герцога образовалась радикальная внутривнутрипартийная фракция «Группа по изучению нового порядка», которую возглавил бывший министр обороны Освальд Пироу.

Подобные настроения не остались незамеченными в Германии. Нацисты организовали вещание на африкаанс, засылали в Южную Африку свою агентуру. В июне 1941 года на побережье Намакваленда с германской яхты высадился Роби Лейбрандт, имея при себе 10 тысяч долларов, радиопередатчик и инструкции по установлению связи с ван Ренсбургом, чтобы изучить возможность совместных действий с ним. Лейбрандт – южноафриканский боксер-профессионал, золотой призер Олимпиады 1936 года, стал ярким нацистом, вступил в германскую армию и участвовал как десантник во вторжении на Крит. Прибыв в ЮАС, он наладил контакт с ОБ и позднее возглавил собственную диверсионную группу, члены которой при вступлении давали следующую клятву: «Всю мою силу и все мои стремления я отдам делу борьбы за свободу и независимость африканерского народа и построению национал-социалистического государства в соответствии с идеями Адольфа Гитлера». Через несколько месяцев Лейбрандт был арестован, предан суду и приговорен к смерти за измену, но приговор был смягчен в результате кампании, организованной националистами.

Итогом всего этого стало интернирование десятков тысяч человек, объявленных «агентами фашизма», в специальные лагеря. Арестованы были, к примеру, Ренсбург, Форстер, а также активный член ОБ Питер Бота – предпоследний белый президент ЮАР.

В сентябре 1939 года южноафриканская армия насчитывала 3 353 военнослужащих, входивших в регулярные части. Кроме этого, на случай войны было предусмотрено включение в состав вооруженных сил 14 631 резервиста из Гражданских Сил Оборон-

ны (Active Citizen Force) многочисленных членов оборонительных стрелковых ассоциаций («коммандо»). С начала вступления ЮАС во Вторую мировую войну встал вопрос о том, на каких принципах будет происходить мобилизация. Общее количество белых граждан Союза составляло около 2 миллионов 400 тысяч человек. При этом, в ряды вооруженных сил могло быть призвано приблизительно 320 тысяч мужчин в возрасте от 20 до 40 лет. Возможность мобилизации черных жителей страны поначалу вообще не рассматривалась. Зато достаточно большое число цветных и индусов из Капской провинции было призвано в автомобильные и инженерные части (они вошли в состав Капского Корпуса).

В конце концов, был сформирован и Туземный Корпус, укомплектованный чернокожими (в основном для выполнения инженерных задач и проведения строительных работ). Хотя неграм и доверили оружие – главным образом для самозащиты и несения караульной службы – им никогда не позволяли участвовать в непосредственных боевых действиях против европейцев.

Вплоть до весны 1940 года в южноафриканской армии проходил период мобилизационного развертывания и боевой учебы. В марте по требованию Великобритании премьер-министр Смэтс дал согласие на участие пехотной бригады войск ЮАС в боевых действиях против итальянцев в Кении. В ходе боевого слаживания этого соединения в воинскую присягу были внесены коррективы, касающиеся возможности участия южноафриканских военнослужащих в войне за пределами страны. Отличительной особенностью южноафриканских офицеров и солдат, воюющих за пределами ЮАС, стала оранжевая нашивка на погонах. 11 мая 1940 года 1-я пехотная бригада была отмобилизована, а в течение лета были сформированы еще восемь бригад.

11 июня Южная Африка объявила войну Италии и в июле перебросила в Кению 1-ю бригаду. В течение октября и ноября к ней присоединилась 1-я пехотная дивизия (сформирована 13 августа), в составе 2-й и 5-й бригад. Помимо этого, Южная Африка предоставила на этот театр боевых действий значительное количество инженерных и технических подразделений, а общая численность южноафриканских войск к апрелю 1941 года здесь составляла 31 560 человек. В Восточноафриканской кампании воины ЮАС зарекомендовали себя с самой лучшей стороны (впрочем, надо отметить, что им противостояли в основном туземные итальянские части, показавшие свою полную несостоятельность). Первую свою победу южноафриканцы (1-я бригада генерал-майора Дана Пинаара) совершили под Эль-Ваком 16 декабря 1940 года. В мае 1941 года 1-я дивизия совместно с 4-й индийской дивизией окружила крепость Амба-Алаги, где находился главнокомандующий итальянскими войсками в Восточной Африке герцог Аоста. После 18 дней боев семитысячный гарнизон крепости капитулировал.

С мая 1941 года южноафриканские соединения и части начали перебрасывать в Египет. Первой операцией, в которой формирования ЮАС приняли участие в Северной Африке, была начатая британской 8-й армией 18 ноября 1941 года операция «Крусейдер». Британские войска под командованием генерала Каннингхэма атаковали немецко-итальянскую танковую группу «Африка» генерала Эрвина Роммеля. Несмотря на недостаток вооружения, топлива, боеприпасов и продовольствия, легендарный «Лис Пустыни» сумел сдержать наступление Союзников, по очереди отбивая нескоординированные атаки противника. 5-я южноафриканская бригада была при этом разгромлена 23 ноября в Сиди-Резеге. По словам Яна Смэтса, это было самым тяжелым поражением южноафриканцев в течение всей войны (из 5800 военнослужащих спастись удалось лишь 2000, остальные были убиты или взяты в плен). Однако последующее контр наступление Роммеля окончилось провалом. Командир 1-й бригады генерал-майор Дан Пинаар, действовал в ходе этой операции крайне осторожно из-за боязни понести большие потери.

Под Газалой англичане надеялись вовлечь войска Роммеля в позиционную войну. С этой целью весной 1942 года они построили здесь хорошо укрепленную линию протяженностью более 40 миль, прикрытую минными полями и укрепленными пунктами, каждый из которых обороняла бригадная группа. Недостатками диспозиции было то, что расстояния между укрепленными пунктами были слишком велики. Кроме того, фланг позиции, обращенный к пустыне, оставался открытым.

К 26 мая британская 8-я армия состояла из XIII и XXX корпусов. XIII корпус генерал-лейтенанта Уильяма Гота должен был удерживать линию Газала и крепость Тобрук. Из числа южноафриканских войск в состав корпуса входила 1-я дивизия генерал-майора Пинаара (1-я, 2-я и 3-я пехотные бригадные группы), которая занимала северный (приморский) фланг линии. Кроме того, в корпус входила 2-я южноафриканская дивизия генерал-майора Г.Б. Клоппера (6-я, 4-я южноафриканские и 9-я индийская бригады). 6-я бригада прикрывала побережье между Газалой и Тобруком, а 4-я и 9-я бригады находились в резерве в самом Тобруке.

Когда в начале лета союзникам удалось отбить немецкое наступление и контратаковать, британское командование разработало план, по которому 1-я южноафриканская дивизия должна была перейти в наступление к Бир-Темраду. Успеху осуществления этого плана мешали категорические возражения командира дивизии Дана Пинаара, главной целью которого по-прежнему оставалось сбережение «драгоценной крови белых людей». В конце концов, он согласился начать наступление 7 июня силами трех рот от каждой из трех бригадных групп 1-й дивизии. Они должны были продвинуться на глубину до 6 миль, после чего силами двух пехотных рот и девяти броневых автомобилей атаковать вражеские коммуникации. Однако южноафриканцы, натолкнувшись на серьезное сопротивление итальянских дивизий «Сабрата» и «Тренто» и немецкой 15-й стрелковой бригады, ничего не добились. Они потеряли 280 человек, 150 из которых пропали без вести.

К этому времени главный оборонительный участок союзников был Роммелем прорван. Следующей его задачей стал захват прибрежной дороги и Тобрука.

Утром 14 июня генерал Пинаар получил приказ начать эвакуацию войск с линии Газала. Дивизия снялась с позиций во второй половине дня и начала отходить по прибрежной дороге, но вскоре была атакована пикирующими бомбардировщиками. 2-й трансваальский шотландский батальон при налете немецких «Штук» возле прохода Агейла Западная подвергся панике и разбежался.

2-я южноафриканская дивизия вместе с 1-й британской бронетанковой дивизией получила приказ охранять линию минных заграждений и удерживать открытой прибрежную дорогу. К утру 14 июня Роммель сформировал фронт между хребтами Ригель и Рамл. Здесь немцев заметил 3-й южноафриканский разведывательный батальон, который вызвал свою артиллерию. Вскоре на Африканский корпус обрушился град снарядов южноафриканских пушек. Атака немцев захлебнулась. Стойко держались южноафриканцы и на Элзэт-Тамаре, хотя и были полностью окружены 21-й танковой дивизией генерала фон Бисмарка.

Благодаря стойкости обороняющихся, 1-й дивизии генерала Пинаара удалось спастись. Отступление было хорошо спланировано и проведено. Правда, 16 июня немецкий 33-й полк штурмовой артиллерии вышел на обрыв прибрежной дороги и открыл огонь по главным силам 2-й и 3-й бригадных групп. Но больших потерь южноафриканцы избежали. В ходе отступления дивизия Пинаара потеряла 27 человек убитыми, 133 ранеными и пропавшими без вести, а также 7 броневых автомобилей, 13 полевых пушек, взвод противотанковых орудий и 4 зенитки.

Гарнизонам Тобрука командовал южноафриканский генерал-майор Г.Б. Клоппер. В его подчинении находились: 2-я южноафриканская дивизия (три бригады), 201-я

гвардейская бригада и 32-я армейская танковая бригада. У Клоппера не было опыта маневренной войны, кроме того, он не сумел наладить взаимодействие.

Ночью 17 июля Африканский корпус окружил Тобрук. В ходе последовавшего штурма, южноафриканцы приступили к уничтожению складов с топливом, продовольствием и боеприпасами (в Тобруке имелось 3 миллиона пайков, 7000 тонн воды, 1,5 миллиона галлонов горючего и более 130000 артиллерийских снарядов). Часть гарнизона попыталась скрыться по морю. Однако британские баржи, набитые солдатами, были расстреляны огнем 88-мм орудия. Удалось уйти южноафриканским противолодочным кораблям «Виверу» и «Парктауну», двум тральщикам и 13 другим судам. Полностью дезорганизованные черные южноафриканцы, большинство из которых были водителями, в страшной панике попытались прорваться на автомобилях, однако были остановлены огнем немецкой 15-й танковой дивизии.

21 июня Клоппер решил, что дальнейшее сопротивление не окупит потерь, и направил к немцам парламентаров под белым флагом. К тому моменту, когда Роммель прибыл в Тобрук, южноафриканцам удалось уничтожить большую часть своей техники и вооружения. Бронеавтомобили были сброшены в море, грузовики сожжены, винтовки разбиты. Утром 22 июня капитуляция вступила в силу. В плен попали 19000 англичан, 10000 белых южноафриканцев, 3400 черных и цветных южноафриканцев и 2500 индийцев. Южноафриканские офицеры потребовали, чтобы белые пленные содержались отдельно от чернокожих, однако Роммель отказался выполнить это условие, заявив о том, что негры – тоже солдаты ЮАС. «Если они достаточно хороши, чтобы носить форму и сражаться рядом с белыми, они и в плену будут пользоваться равными правами», – заявил «Лис Пустыни». Он, наверное, просто не знал, что черным было запрещено воевать с европейцами, и оружие они не носили.

Падение Тобрука стало ужасным ударом для англичан, а для южноафриканцев было настоящей трагедией, ведь в плен попала треть их армии. Генерал Пинаар был разочарован своим британским командованием и в дальнейшем стал действовать еще более неактивно. Тем не менее, его дивизия сыграла определенную роль в победе под Эль-Аламейном. В ноябре 1942 года 1-я пехотная дивизия была возвращена в Южную Африку (сам Пинаар погиб в авиационной катастрофе).

В 1942 году южноафриканцы приняли участие в британском вторжении на Мадагаскар (чтобы предупредить возможность японского десанта на этот важный в стратегическом отношении остров). А последним театром боевых действий во Второй мировой войне для войск ЮАС стала Италия. Специально для вторжения Союзников в феврале 1943 года в Южной Африке была сформирована 6-я бронетанковая дивизия под командованием генерал-майора В. Эвереда-Пооля.

Разумеется, южноафриканцы участвовали в войне не только в составе сухопутных соединений и частей. 3 тысячи граждан ЮАС выполняли служебно-боевые задачи в британском флоте. Значительный вклад в победу внесли и южноафриканские летчики, причем они сражались как в составе собственно Южноафриканских военно-воздушных сил (South African Air Force), так и в составе Королевских военно-воздушных сил Великобритании (Royal Air Force). Именно южноафриканские пилоты составили основу британских «пустынных» ВВС.

Общие потери ЮАС в войне были не очень значительны: около 9 тысяч человек (всего в войне участвовало 334 тысячи южноафриканцев). Для армии ЮАС участие в боевых действиях, безусловно, послужило хорошим стимулом для основательных реформ.

Глава пятая. На пути к независимости

Будучи одной из стран антигитлеровской коалиции, ЮАС был вынужден установить консульские отношения с Советским Союзом. Переговоры об этом начались в октябре 1941 года. Вели их посол СССР в Великобритании Майский и верховный комиссар ЮАС в Лондоне Уотерсон. В июне 1942 года были созданы советское генеральное консульство в Претории и консульство в Кейптауне, Установление консульских отношений с СССР вызвало бурю возмущения среди африканеров, встревоженных усилением «красной угрозы».

Уже в начале войны активизировались прокоммунистические организации и группы. Оживилось общество «Друзья Советского Союза». Были развернуты кампании по сбору медикаментов и донорской крови для СССР, создано общество «Медицинская помощь для России». «Друзья» начали агитацию за признание СССР. В декабре 1941 года в ЮАС был официально зарегистрирован журнал «Советская жизнь», затем коммунистический «Бюллетень новостей», был налажен выпуск большевистских брошюр, в том числе и на языке африкаанс.

Пик активности и влияния «Друзей Советского Союза» пришелся на 1943 и 1944 годы. Дело дошло до того, что обществу начал активно помогать один из членов южноафриканского правительства – Колин Стайн, министр юстиции! В последние годы войны общество фактически без всяких преград со стороны властей стало действовать даже в тауншипах, где проживали чернокожие. Была провозглашена антисегрегационная борьба, в частности проведена кампания по бойкоту общественного транспорта (который всегда был отдельным для европейцев, цветных и черных). Агенты СССР помогли и в создании Молодежной лиги Африканского национального конгресса.

С «Друзьями» были тесно связаны некоторые еврейские организации, что можно объяснить, во-первых тем, что большинство выходцев из России в Южной Африке были евреями, во-вторых, что в ЮАС были сильны антисемитские настроения. Один из сотрудников советского консульства, некий Бегунков, впоследствии вспоминал: «Все евреи там говорили по-русски». Само общество «Друзей Советского Союза» возглавлял Осип Рунич (по свидетельству очевидцев, он даже своего попугая научил говорить: «Сталин - ура!»), а организацию «Медицинская помощь для России» – некий Шнайер. Действовала и организация «Еврейский военный призыв» (после войны – «Общество друзей Биробиджана») во главе с Дорой Александрович. Только эти три общества собрали для СССР щедрые пожертвования – около миллиона фунтов стерлингов.

Не надо и говорить, что такая активность не на шутку встревожила даже либералов. Когда в войне наступил перелом, и поражение стран Оси стало очевидным, премьер-министр Ян Сметс перестал скрывать свою антипатию к большевикам. В августе 1945 года он, не скрывая горечи, писал своим друзьям: «Я считаю, что мы возложили на Советский Союз слишком тяжкую долю военного бремени. Нам не послужит на пользу, что англо-американский союз не взял на себя более серьезную ношу. Нам не послужит на пользу, что мы оказались не на высоте в своих военных усилиях. Может стать трагедией если впоследствии окажется, что это большевики выиграли войну. Советский Союз стал бы хозяином мира, а это большевикам ударит в голову. Я не думаю, что Советы подготовлены к роли мирового лидера... Это ужасное преступление с десятью тысячами польских офицеров в Катыни не даёт мне покоя».

Вообще говоря, Сметс довольно специфически относился к СССР. Он уважал русских, поскольку, будучи одним из генералов во время Англо-Бурской войны, помнил о помощи России в борьбе с Англией. Большевиков он ненавидел. В то же время, в середине 1930-х годов он заявил послу СССР в Великобритании Майскому: «Ваша страна сейчас может стать бастионом белой расы на Дальнем Востоке». В годы войны сто-

ронники Национальной партии называли Смэтса «большевиком» и «агентом Сталина».

Парадоксально, но война, вопреки ожиданиям, не способствовала укреплению могущества «старой доброй» Англии. Ее лучшие времена явно остались в далеком прошлом. Обанкротившиеся лондонские политики не могли скрыть разочарования. Их постные мины не сохранили ни тени бывшего самодовольства, аристократизм окончательно уступил место снобизму. Но они вынуждены были шаг за шагом отступить с позиций, с великим трудом завоеванных их предшественниками. Эти шаги становились все быстрее, а потом и вовсе перешли в позорное бегство. Империя рушилась на глазах.

Для южноафриканского общества война стала причиной еще большего раскола. Если англо-африканцы целиком и полностью были на стороне метрополии, то черные и цветные жители Союза вели себя совершенно апатично. А для африканеров (которые особого рвения к разгрому фашизма не проявляли) ослабление Британской Империи стало настоящим подарком. За какие-то три года они сумели сплотиться и прийти к власти.

После окончания войны самые непримиримые африканерские националисты, интернированные в лагерях, вышли на свободу. Теперь их лидеры избрали своей первой целью во что бы то ни стало прийти к власти и окончательно покончить с диктатором Британии. Кроме того, необходимо было нивелировать коммунистическую опасность, которая на земле Южной Африки впервые стала более чем реальной.

Надо отметить, что и в военное время африканеры продолжали отстаивать свои интересы. Стычки между англичанами и африканерами проходили и в парламенте. Даниель Малан, лидер Национальной партии, отказался голосовать в парламенте за послание с выражением соболезнования по поводу кончины президента США Рузвельта. Он сказал, что боится прецедента – а вдруг, когда умрет Сталин, правительство попросит парламент объявить траур? А пастор Йоханнес Стрейдом, лидер трансваальского отделения этой партии, заявил в парламенте, что стоит ему закрыть глаза, и он видит, как Хофмейер (ближайший сподвижник Смэтса), обнимает за шею сатану. А сатана этот – Сталин. Эрик Лоу, один из руководящих деятелей Национальной партии, 8 мая 1943 года внес в парламент предложение о закрытии советского консульства. Оно было отклонено незначительным количеством голосов.

В 1941 году состоялся Национальный конгресс африканеров, который принял «декларацию от имени народных организаций» и «Проект конституции республики». «Фольксонгресс» провозгласил целью выход ЮАС из войны, разрыв всех связей с метрополией и провозглашение независимой республики. Аналогичные конгрессы были проведены в Блумфонтейне в 1943 и 1944 годах, причем последний съезд был посвящен расовой политике африканерской нации. Среди участников и ораторов видное место заняли представители реформаторской церкви: Г. Кронье, Я. дю Тойт (Тотиус), Й. Стрейдом, профессор теологии Я. Грейвенштейн.

Тотиус заявил, что поскольку «расовая интеграция является греховной», постольку «оправдан апартеид». Расовая сегрегация, по мысли Тотиуса, служит отражением не только бурской традиции, но и Божественной воли. Лидер натальских националистов и будущий министр по делам туземцев Э. Джансен предостерег, что если африканерам не удастся сохранить свое господство, то управлять государством будут кафры. «Я не думаю, – продолжал он, – что европейцы будут готовы к такой возможности... Наступило время для практического осуществления африканерской политики апартеида и отдельного развития. Должна быть создана система, основанная на принципе отдельного развития и управления белых и небелых граждан».

В решениях «фольксонгресса» 1944 года было записано, что «проведение политики апартеида отвечает интересам белых и небелых южноафриканцев, причем эта политика должна строиться таким образом, чтобы небелые этнические группы получили возможность развиваться в строгом соответствии со своим национальным духом, на собственной территории, с тем чтобы они могли сохранить полный контроль над своими делами». Подчеркивалось, что «обязанностью белых является обеспечение контроля со стороны государства» и что «христианским долгом является покровительство небелым расам, пока последние сами не будут способны управлять своими делами».

В 1946 году по инициативе синода реформаторской церкви в ЮАС прошел «фольксонгресс» против коммунистической опасности. На нем была создана комиссия по объединению сил церковью и других симпатизирующих им организаций для борьбы с коммунизмом при помощи всех возможных средств.

В первые послевоенные годы доктрина христианского национализма получила свое дальнейшее развитие. Большой вклад в ее теоретическое обоснование внес Г. Кронье. В фундаментальном труде «Дом для потомства» (1945 год) он дал описание «идеального» государства и общественного устройства. В качестве принципов такого устройства Кронье выдвинул полное разделение (включая территориальное) населения по расово-этническим признакам, введение раздельного проживания в городах, роспуск межрасовых политических организаций и профсоюзов, подтверждение богоизбранности африканеров и Божественного предопределения судьбы каждой нации, запрещение межрасовых браков.

В 1947 году совместно с пастором В. Никодем и профессором Университета Претории Э. Гроенвальдом Кронье обосновал преимущества раздельного развития рас: «Существование расовой проблемы в Южной Африке состоит, прежде всего, в том, что контакты между расами привели к расовому смешению, и что расовый конфликт здесь возник как следствие господства белых». Господство белых обусловлено их более высокой степенью развития. Единственный выход из создавшегося положения – только раздельное развитие рас на отдельных территориях при ликвидации возможности расового смешения. При этом, «опека» европейцев над туземным населением должна сохраняться некоторое время, после чего последние «должны будут получить независимость».

Кронье рассуждал: «Практически любой вопрос сводится к следующему: наш инстинкт самосохранения (этот основополагающий и необходимый инстинкт, присущий каждой группе населения) не позволяет нам разрешить безграничное развитие банту до тех пор, пока они остаются в нашей среде... Может ли кто-нибудь справедливо критиковать белых лишь за то, что они опасаются за свое будущее?».

Правая реакция со стороны африканеров набирала свои обороты. Значительную активность развил «Брудербонд». В 1944 году он насчитывал 2672 члена, из которых 8,6 % были государственными служащими и 33,3 % – учителями. Очень значительную роль здесь играли священнослужители. Были в «Брудербонде» и члены парламента. Пользуясь тайными методами, он укреплял позиции африканеров в различных сферах: в политике, экономике, культуре; жестко противодействовал коммунистам и либералам: устанавливал свои правила в армии и церкви. Кроме того, члены «Брудербонда» давали клятву не поддерживать никакого сотрудничества с англичанами. К слову, такая тактика неоднократно вызывала возмущение англо-африканцев и некоторой части африканерского общества. Некоторые начали обвинять «Брудербонд» а «масонских методах» борьбы. Недовольные пытались противодействовать. В 1946 году им удалось даже создать комиссию по расследованию деятельности организации. Однако вскоре комиссия пришла к выводу о «полной лояльности» «Брудербонда», его «пользе и законности», поскольку его «целью является охрана наиболее достойных интересов африканерского народа».

Надо отметить, что правящая Объединенная партия Смэтса не отставала от своих политических противников – африканерских националистов – в смысле расизма. Отличие заключалось в том, что «либералы» выступали за усиление белого господства без учета этнических особенностей европейцев. Так, лидеры Объединенной партии в 1947 году заявляли: «Программа нашей партии заключается в том, чтобы открыть доступ в эту обширную богатую страну для всех желающих в ней поселиться. В текущем году мы выдадим 100 тысяч иммиграционных разрешений и будем поступать так ежегодно на протяжении десяти ближайших лет. В течение этого периода в Южно-Африканском Союзе сможет обосноваться миллион человек, для которых не хватает места в перенаселенной Европе. Нам необходимо изменить соотношение между белыми и неевропейцами в свою пользу... Страна достаточно богата, чтобы прокормить население в несколько раз большее, чем теперь».

Глава шестая. Архитекторы Апартеида

Предвыборная кампания Национальной партии 1948 года проходила под лозунгом введения в стране апартеида. Комиссия по его разработке была создана еще на фольксконгрессе 1944 года. В конце 1947 года она опубликовала доклад, который вошел в предвыборную брошюру Национальной партии. Среди прочего там говорилось: «В ЮАС должна проводиться политика полного апартеида как конечная цель естественного процесса раздельного развития. Отдавая себе отчет в том, что эта задача может быть лучше всего выполнена путем сохранения в чистоте и неприкосновенности белой расы, Национальная партия провозглашает это в качестве основного руководящего принципа своей политики». В брошюре излагались также три главных принципа христианского национализма: апартеид, система христианско-национального образования и борьба против коммунистической опасности.

28 марта 1948 года была издана еще одна предвыборная брошюра, которая называлась «Политика партии по отношению к цветному населению». Автор текста Поль Сауер отмечал здесь, что апартеид должен противостоять расовому равенству, «ведущему к уничтожению белой расы», для чего необходимо «переселение африканцев в резерваты, которые должны, находясь под властью белого правительства, стать настоящей родиной африканцев». Далее Сауер призывал объявить всех индийцев иммигрантами в ЮАС.

26 мая состоялись всеобщие парламентские выборы, в результате которых партия Малана получила 70 мест и в союзе с Африканерской партией Альберта Герцога (сына Джеймса Герцога) составила парламентское большинство. Особенно большую поддержку оказали африканерским националистам фермеры (из 72 сельских округов Национальная партия и Африканерская партия победили в 64).

Спустя почти полвека после поражения в Англо-Бурской войне, африканеры почувствовали себя в достаточной мере сильными, чтобы, наконец, избавиться от назойливой опеки Великобритании, которая всегда была для них не заботливой матерью-метрополией, а злой мачехой, тщетно пытавшейся удержать в своих злокозненных объятиях жирный кусок пирога – богатый ископаемыми ресурсами осколок разваливающейся Империи, «Возблагодарим Всевышнего! Мы победили!» – кричали заголовки южноафриканских националистических газет весной 1948 года. Однако окончательная победа была еще впереди. Лишь в 1961 году Южно-Африканский Союз окончательно перестал быть доминионом Англии и стал независимой республикой.

И, тем не менее, это был триумф. Англия уже не могла диктовать африканерам свою волю в надежде на безропотное подчинение. Кампания Смэтса полностью провалилась. Националистические газеты писали, что «наш премьер прославлял советское оружие и снимал шляпу перед Сталиным». Африканеры придумали для премьера, которого они считали предателем и коллаборационистом, презрительную кличку

«лайгер» (что на африкаанс означает «ни рыба – ни мясо»: лайгер – это гибрид африканского льва и бенгальской тигрицы). Отвечая на пропаганду Объединенной партии, которая твердила о том, что при Смэтсе в стране уменьшилась безработица, сократился государственный долг и была расширена внешняя торговля, националисты заявляли: «Безработица уменьшилась, но вам никто не говорит, что для сравнения взяты цифры, относящиеся к периоду величайшего мирового кризиса тридцатых годов. А за снижение государственного долга мы можем благодарить только войну и военную конъюнктуру».

Кстати, Смэтс вообще не прошел в парламент: в избирательном округе Стандертон его забаллотировали. Тем не менее, он занял, довольно достойное место в южноафриканской истории. Это был единственный африканер, который удостоился звания фельдмаршала. Кроме того, он теоретически мог бы стать премьер-министром Великобритании – еще в начале войны был разработан документ, по которому эта должность переходила бы к Смэтсу в случае смерти Черчилля. В ЮАР до сих пор стоят несколько памятников Смэтсу и, похоже, их никто не собирается сносить (хотя премьер-министр и был автором термина «апартеид»!).

- Сегодня Южная Африка снова принадлежит нам. Впервые после образования Союза за страна стала нашей. Помоги, Господи, чтобы она осталась нашей навсегда! – заявил лидер Национальной партии Даниэль Франсуа Малан в день своей победы.

Правительство Малана состояло исключительно из африканеров – членов «Брудербонда». Поэтому наиболее важной задачей, которая встала перед ними сразу после прихода к власти, стало укрепление африканерского господства в Южной Африке. Однако для того, чтобы провести через парламент все законопроекты, Национальной партии надо было полностью обезопасить себя и укрепить свои позиции у руля страны.

С этой целью были внесены поправки к закону о Юго-Западной Африке: белые жители этой подмандатной территории теперь слали избирать своих депутатов в парламент ЮАС, что удвоило парламентское большинство голосов партии Малана. Несколько позднее был снижен минимальный возраст избирателей (до 18 лет), что также привело к увеличению числа голосов, подаваемых на выборах за националистов.

В 1948 году для дальнейшей разработки теоретических и практических основ апартеида было создано Южноафриканское бюро по изучению расовых отношений. «Выбор, стоящий перед нами, – говорилось на учредительном собрании бюро, – это один из двух противоположных путей: либо путь интеграции, который, в конечном счете, приведет к уничтожению белой нации, либо путь апартеида (раздельного существования)».

Предложенные бюро конкретные решения тут же превращались в законопроекты, а затем и в законы. На парламентской сессии 1949 года был принят закон о запрещении смешанных браков, который объявил противозаконными браки между белыми и небелыми. Если же гражданин ЮАС женился или выходил замуж за пределами страны, такой брак считался недействительным. Следующей инициативой стала поправка к закону о земельных правах азиатов. Она усилила существующее законоположение, направленное против проникновения индийцев в городские районы в Натале и Трансваале, и запретила приобретение ими недвижимости в Капской провинции (въезд в Оранжевую провинцию и Юго-Западную Африку индийцам по закону был вообще запрещен). Поправка к закону о туземцах создала бюро по найму рабочей силы, которые обеспечивали постоянное изобилие африканских рабочих на рудниках и фермерских хозяйствах белых.

На следующей парламентской сессии был принят закон о регистрации населения. Он предписал провести расовую классификацию населения по трем группам: европейской, цветной и африканской, причем две последние были также подразделены на этнические подгруппы. По завершении регистрации каждому полагалось получить удостоверение личности, в котором его расовая принадлежность заверялась несмываемой печатью. Нарушение расовых границ людьми, которые были названы «маскирующимися под белых» становилось с этого момента невозможным. Расовая принадлежность определялась по внешности человека, а также (в спорных случаях) на основании «общего мнения на этот счет».

Поправка к закону о борьбе с безнравственностью запретила внебрачные связи между белыми и небелыми (первоначальный текст закона, принятого еще в 1927 году, запрещал только связи между белыми и африканцами). По данным, которые огласил в парламенте министр юстиции, с 1950 по 1960 годы по этому закону было осуждено 3890 человек.

Закон о расселении по расовым группам предусматривал создание расовых локаций и резерватов, в которых право землевладения и поселения закреплялось за определенной расовой группой.

На сессии 1951 года был принят закон о властях банту. В резерватах создавались племенные, региональные и территориальные управления банту, которые назначались министром по делам туземцев.

Закон о туземных строительных рабочих разрешил обучение и регистрацию африканцев как квалифицированных рабочих, но только на территориях их локаций и резерватов и для работы там. Им запрещалось наниматься даже на случайную работу на городских территориях, в то время как белым рабочим не разрешалось заключать трудовые контракты с небелыми подрядчиками.

Закон о борьбе против незаконных вселений запретил всякому въезжать на любую территорию или вселяться в любое здание, любой африканский поселок или деревню без разрешения.

На сессии 1952 года – последней перед следующими парламентскими выборами – был принят закон об отмене пропусков для туземцев и о введении для них единообразных личных документов. Закон фактически усилил систему пропусков. Вводилась контрольная книжка, которая выдавалась всем африканцам с 16 лет. Первые страницы книжки представляли собой удостоверение личности, затем шли отметки бюро по найму, контрольные отметки о передвижениях, подписи нанимателей, расписки об уплате налогов. У владельца снимали отпечатки пальцев и отправляли их в министерство по делам туземцев. Африканцы обязаны были всегда иметь контрольную книжку при себе и предъявлять ее по первому требованию.

Поправка к закону о туземцах запретила африканцам оставаться на какой-либо городской территории дольше 72 часов без особого разрешения, если он не является уроженцем этого города и не проживает в нем. Исключения делались для проработавших на одного работодателя не менее 10 лет или на нескольких хозяев – не менее 15 лет. Десятки тысяч африканцев были согласно этому закону выписаны и выселены из городских районов.

Наконец, закон о взимании сбора за обслуживание туземцев обязал нанимателей уплачивать специальные сборы за снабжение африканцев водой, светом и за содержание дорог и канализации.

Правительство Малана сразу же начало укреплять позиции африканеров в различных отраслях жизни общества. Экономического господства удалось добиться уже

через два года. В 1950 году фолькскаонгресс констатировал, что «проблемы белых бедняков больше не существует» и что «африканеры к настоящему времени заняли стратегически важные позиции в системе городской торговли». Рост африканерской торговой буржуазии в 1938-1948 годах произошел в основном за счет трансваальской экономики, где африканерским торговцам удалось оттеснить с лидирующих позиций индийскую буржуазию (в 1948 году было предложено вообще отправить всех индийцев на родину). «Основная цель достигнута, – говорилось на конгрессе, – африканерский капитал удалось консолидировать, создать как кооперативные, так и другие формы африканерских предприятий в сельском хозяйстве, торговле и промышленности».

Не были забыты также белые фермеры и рабочие. С 1948 года их экономическое положение неуклонно повышалось. Было принято несколько законов, благодаря которым процесс утечки рабочей силы из сельскохозяйственных районов в города был приостановлен. Важную роль здесь сыграло введение системы пропусков для неевропейцев и создание бюро по найму рабочей силы, которое существенно ограничило численность африканцев в городских районах. Правительство оказывало значительную финансовую помощь фермерам в виде прямых дотаций и повышения цен на их продукцию, а также путем финансирования научно-исследовательских работ в области сельского хозяйства.

В промышленности было усилено положение белых рабочих, которые неизменно оказывали националистам свою полную поддержку. Альберт Герцог заявлял в парламенте: «С одной стороны, наша партия является партией фермеров, но в еще большей степени она – партия рабочих». Эту мысль развил Балтазар Форстер: «Существует лишь один человек, перед которым мы обязаны держать ответ. Потому что именно он, именно белый рабочий Южной Африки, возвысил Национальную партию до ее нынешнего положения и сохранит ее на этом месте и в будущем».

Параллельно с этим правительство Малана приступило к реформированию системы школьного и университетского обучения. В программе образования 1948 года провозглашались следующие «основные принципы»: «Должно изучаться все, что создано Богом, и все, что является делом рук человеческих. Но все преподавание должно вестись в христианско-националистическом духе; ни в каком предмете недопустима пропаганда антихристианских или антинациональных взглядов». Была введена система полностью раздельного образования, причем не только для неевропейских школ и университетов, но и для английских и африканерских учебных заведений (для белых образование становилось в Южной Африке бесплатным). Уже с 1949 года обучение английских и африканерских детей велось отдельно (кроме Наталя). В тот момент эта мера вызвала полное одобрение не только африканеров, но и самих англичан, большинство из которых были настроены по отношению к Национальной партии оппозиционно.

В школьных учебниках пропагандировался принцип обоснования иерархии рас. Это касалось и других детских книг по истории и географии. Так, например, в популярном учебнике географии П. Фонсэна, в главе, посвященной африканским расам, говорилось, что бушмены «не достигли еще уровня объединения в племена», что им «свойствен грубый фетишизм», что они «низкого роста и на вид уродливее обезьян», «на более высоком уровне стоят готтентоты» и т. д. В этой книге на основании целой системы критериев была выстроена иерархия народов по уровню их развития: в занятиях, в строительстве жилища, в организации общества. На вершине африканской иерархии, по мысли автора, оказываются арабы, берберы и мавры. Вот довольно характерный отрывок из учебника для 3-го класса: «Разумеется, банту из-за недостатка образования подчас не вполне понимают природу технических приспособлений. Они, например, избегают селиться близ телеграфных столбов, боясь, что по проводам их разговоры передаются в полицию. Фотографирование или снятие отпе-

чатков пальцев кажется им какими-то таинственными манипуляциями, секретом которых владеет белый человек».

В 1948 году был создан Африканерский студенческий союз, объединяющий всех африканерских студентов для защиты их интересов и содействия развитию «белой христианской цивилизации в качестве альтернативы коммунизму».

Главным университетом страны являлся Преторийский, которому подчинялись университеты Почефстрома. Блумфонтейна и Стелленбоша. Во всех из них преподавание велось на африкаанс, и принимались только белые студенты. На английском языке преподавание осуществлялось в Университете Родса, а также в Кейптаунском и Витватерсрандском университетах, причем два последних считались открытыми, однако студенты разных расовых групп, разумеется, учились отдельно. Помимо этого, для неевропейцев существовал отдельный университетский колледж в Форт-Хэйре (ученые степени его выпускникам присваивались Университетом Родса).

В 1949 году правительство назначило комиссию во главе с доктором В. Эйзеленом для доклада об образовании африканцев и разработки программы их обучения с целью более эффективной подготовки туземцев к труду. В итоге все школы для банту из ведения властей провинций были переданы в ведение министра по делам туземцев. Незадолго до этого занимающий этот пост Х. Фервурд заявил: «Когда контроль над образованием туземцев перейдет ко мне, я реформирую это образование таким образом, чтобы туземцев с детства приучали к тому, что равенство с европейцами не для них. Люди, верящие в равенство, нежелательны в качестве учителей туземцев. Для банту нет места в европейской общине, за исключением некоторых видов физической работы. По этой причине ему незачем давать образование, которое рассчитано на его ассимиляцию с европейской общиной. До сих пор система обучения банту вырывала туземца из его собственной общины и только дезориентировала его, раскрывая перед ним картину утопающих в зелени роскошных садов европейской цивилизации, вход в которые ему запрещен. Существующая система образования африканцев привела к созданию класса «псевдоевропейцев», для которых нет дороги в жизни и которые в итоге становятся разочарованными и недовольными собой».

Усилия были сосредоточены на создании системы профессионального обучения туземцев. Им также давались общие знания в объеме начальной школы, чтобы они могли писать, читать и считать. Преподавались и основы христианской религии.

Значительная работа была проделана правительством Малана по нейтрализации коммунистической угрозы. Закон о подавлении коммунизма, запретивший в ЮАС компартию и аналогичные ей организации, был принят на сессии 1950 года. Согласно закону, коммунизм определялся как «социалистическое учение Маркса в трактовке Ленина или Троцкого, III коммунистического интернационала (Коминтерна) или коммунистического информационного бюро (Коминформа), или любые родственные формы этого учения, распространяемые или пропагандируемые в Союзе для насаждения основных принципов этого учения, в том числе, всякой доктрины и всякого плана, которые:

а) ставят своей целью установление деспотической системы правления, основанной на диктатуре пролетариата, при которой признается только одна политическая организация, а все остальные подавляются или уничтожаются, или

б) ставят своей целью осуществление любых политических, индустриальных, социальных или экономических преобразований в Союзе путем организации волнений и беспорядков, путем незаконных действий или бездействия, или путем применения угрозы таких действий..., или

с) ставят своей целью осуществление любых преобразований в Союзе в соответствии с директивами, или под руководством, или в сотрудничестве с любым иностранным правительством, иностранным или интернациональным учреждением..., или

d) ставят своей целью разжигание чувств вражды между проживающими в Союзе европейскими и неевропейскими расами в расчете использовать результаты этой вражды для достижения какой-либо из целей перечисленных выше».

Коммунистическая партия благоразумно самораспустилась еще до принятия закона. Однако Б. Бантинг – единственный коммунист в парламенте – был все равно лишен депутатского мандата в соответствии с требованием закона.

Еще одной целью правительства в связи с нейтрализацией красной опасности стало советское консульство и его дочерние организации. Они не только распространяли коммунистическую пропаганду, но и подстрекали Африканский и Индийский национальные конгрессы к сопротивлению властям. Кроме того, сотрудники консульства постоянно нарушали закон о спиртных напитках, подавая их на приемах небелым гостям (спиртное небелым в ЮАС было запрещено).

В марте 1949 года министр экономики Эрик Лоу публично выступил против наличия в ЮАС представительства СССР. Он заявил, что «торговые отношения между Южной Африкой и Россией не оправдывают существования советского консульства в Претории. Коммунистическая пропаганда, которая достигла в ЮАС страшных размеров, берет начало главным образом из советского генерального консульства в столице. В стране не имеется советских подданных, которые нуждаются в защите. Штат генерального консульства слишком велик для осуществления необходимой работы, специальный русский курьер ежемесячно отправляется в Москву с секретными документами. Ситуация крайне опасна».

Глава седьмая. Апартеид – рай для белых

Всеобщие парламентские выборы 1953 года показали, что политику правящей партии одобряет большинство граждан Союза: националисты увеличили число своих депутатов до 94, Объединенная партия получила 57 мест, и еще 5 мандатов досталось депутатам-лейбористам.

Даниэль Малан сохранял свой пост до 29 октября 1954 года, когда по состоянию здоровья в возрасте 80 лет вынужден был подать в отставку. К этому моменту правительство провело через парламент еще ряд законов, укрепивших здание апартеида. Закон о внесении изменений в правила иммиграции запретил въезд из Индии в Южную Африку женам и несовершеннолетним детям индийцев, постоянно проживающих в ЮАС. Закон о разделении различных средств обслуживания разрешил всем лицам, заведующим публичными заведениями или перевозочными средствами, выделять их в исключительное пользование одной расы (до этого подобные законы действовали на муниципальном и провинциальном уровне, и то не везде). Закон о туземной рабочей силе и урегулировании трудовых конфликтов запретил африканским рабочим бастовать и установил сложную процедуру урегулирования трудовых промышленных конфликтов. Закон о расселении туземцев создал бюро по расселению с задачей выселения 57 тысяч африканцев из Софиатауна, Мартиндейла, Ньюклера и Пейджью, так называемых «черных пятен» в западных районах Йоханнесбурга. В новых районах было предписано разделить всех африканцев сегрегационными стенами по племенному признаку.

Малан предложил в качестве своего преемника кандидатуру Николаса Хавенги (он исполнял обязанности премьера до 30 ноября), но парламент настоял на более энергичном и фанатичном лидере – руководителе трансваальского отделения Нацио-

нальной партии Йоханнесе Стрейдоме. Как и Малан он был в прошлом пастором и занимал видное положение в «Брудербонде».

Первым делом Стрейдом подтвердил неизменность прежнего курса: «Прежде чем Национальная партия сможет достигнуть своей конечной цели – республики, она должна будет разрешить цветную проблему. Всякий, кто попытается помешать планам правительства по проведению в жизнь политики апартеида или попытается уклониться от выполнения своего долга в достижении этой цели, будет считаться таким же предателем, как тот, кто откажется взять в руки оружие для защиты своей страны. Главная цель апартеида – обеспечить сохранение господства белых (баскап)».

Выступая против предложения ряда идеологов о тотальном разделении, Стрейдом заявлял, что полный территориальный раздел можно принять в качестве идеала, но на практике достигнуть его нельзя, потому что десятки тысяч людей использующих рабочую силу африканцев и цветных, никогда на это не согласятся. Здесь он следовал тактике Малана, который еще в 1948 году говорил: «Наша политика апартеида вовсе не означает, что мы собираемся выселить всех туземцев, проживающих ныне на территориях европейцев или приходящих туда работать, и отправить их всех в резерваты. Такое представление – карикатура на нашу политику».

При Стрейдоме окончательно выковалась структура Национальной партии, которая оставалась с этого момента неизменной, Партия имела федеральный статус, и состояла из партий четырех провинций (до 1978 года в нее входила также партия Юго-Западной Африки). Высшим исполнительным органом являлся Федеральный совет (по 7 делегатов от провинций и один представитель молодежной организации). Высшим руководящим органом для каждой партии был ежегодный провинциальный съезд, утверждавший (или отклонявший) решения Федерального совета и национального съезда партии (созывались в 1919, 1938, 1960 и 1982 годах). Контроль за выполнением решений провинциального съезда осуществлял Руководящий совет, возглавлявшийся лидером партии провинции. Власть на местах принадлежала окружным советам, руководство которых избиралось на окружной конференции или провинциальном съезде. Низовой партийной ячейкой было отделение, численностью до 500 человек (из групп по 10-20 членов). Членом Национальной партии мог стать любой белый житель Южной Африки не моложе 18 лет (в Натале – 17 лет). Членство в партии обязывало «поддерживать всех африканеров», требовало «непреклонного соблюдения партийных принципов» и предполагало «исключительную и абсолютную верность». Подготовкой кандидатов в члены партии из числа молодежи занимался Национальный молодежный союз, председатель которого входил в Федеральный совет партии.

Законотворчество правительства Йоханнеса Стрейдома продолжало следовать по пути укрепления апартеида. На сессии 1955 года были приняты поправки к закону о туземцах, проживающих в городах. Домовладельцам было запрещено, чтобы в любом принадлежащем им доме проживало одновременно более пяти африканцев. Закон был направлен против так называемых «чердачных жителей» – все возрастающего числа негритянской домашней прислуги, размещавшейся как правило на чердаках жилых домов. Только в Йоханнесбурге около 20 тысяч негров очистили эти помещения и переселились за городскую черту. Кроме того, поправка дала городским властям право, в случае если они сочтут, что проживание в их городе того или иного африканца вредит спокойствию и порядку, приказывать ему покинуть город в назначенный срок (мера была направлена в основном против политических агитаторов). Поправка к закону об автобусных и трамвайных сообщениях ввела апартеид на транспорте на всех территориях ЮАС, где его до этого не было. Закон об арбитраже в промышленности разделил профсоюзы по расовому признаку и закрепил за каждой расой определенные виды работы.

На сессии 1957 года был принят закон о внесении изменений в законодательство о туземцах. В соответствии с ним, прекращался допуск африканцев на любое богослужение в церквях, расположенных на белых территориях. Поправка к закону о расселении по расовым группам запретила представителям одной расовой группы вход в кинотеатры, рестораны, кафе, чайные и столовые, зарезервированные за другими расовыми группами. Закон о борьбе с безнравственностью повысил максимальное наказание за внебрачные связи между белыми и неевропейцами до 7 лет тюремного заключения. Преступлением объявлялось теперь и склонение к совершению непристойного или безнравственного акта. Весьма суровое наказание грозило нарушителю закона за распространение и за хранение порнографии. К слову, даже в начале 1990-х годов такого рода «печатная продукция» в ЮАР не издавалась, а тем лицам, которые пытались провести журналы «фривольного содержания» через границу грозили ощутимые последствия. Вне закона был объявлен даже такой «почти нейтральный» журнал, как «Playboy».

Стрейдому удалось довольно успешно понизить активность негритянских радикалов и коммунистов. Этому способствовало, во-первых, то, что в результате государственного вмешательства в армии, полиции и государственном аппарате были проведены новые масштабные перестановки, в результате чего все сколько-нибудь ответственные посты в этих структурах заняли африканеры, приемлемые для «Брудербонда». Во-вторых, функции и численность полиции были значительно расширены. В-третьих, были приняты поправки к закону о мятежных сборищах и подавлении коммунизма.

Теперь дорога к окончательному разрешению болезненного вопроса о советских представительствах (очагов распространения терроризма и бунтарских настроений среди черных) была расчищена. Министр юстиции Сварт в ответе на вопрос журналистов о том, не стоит ли закрыть советское генконсульство, ответил: «Правительство рассматривает этот вопрос, и весьма серьезно». Штат консульства постоянно сокращался, поскольку новым работникам, в том числе и консулам, власти ЮАС отказывали в визах. На территории ЮАС, наконец, было запрещено распространение советской периодики, а затем консульство лишили курьерской связи. В конце концов, 1 февраля 1956 года правительство ЮАС направило генеральному консулу Иванову ноту о закрытии консульства. В ней говорилось: «Открытие советского консульского представительства в Южно-Африканском Союзе было вызвано лишь необходимостью, связанной с последней мировой войной... Генеральное консульство развивало и поддерживало контакты с лицами, ведущими а ЮАС подрывную работу... Правительство убедилось, что советское консульское представительство не служит интересам мира и благополучия Южной Африки, и приняло решение о том, что его деятельность должна быть прекращена».

Перед отъездом из Южной Африки Иванов дал интервью йоханнесбургской газете «Стар». Он заявил, что закрытие консульства – «трагедия для обеих наших стран, особенно для Южной Африки», а затем почему-то начал утверждать, что «Россия – свободная страна», где «вы можете делать любые фотографии и снимать любые фильмы и можете быть уверены, что полицейские шпики не будут следить за вами». Когда же журналист резонно заметил, что советским гражданам не разрешают ездить за границу, последовал оригинальный ответ: «русские могут путешествовать где угодно. Но наша страна столь красива, что они считают: зачем нам ехать куда-то, когда в России так много прекрасного». Иванов полностью отрицал, что в составе консульства были разведчики: «Это абсолютно нелепо».

Между тем, сегодня известно, что предшественник Иванова Дождалев был ни много ни мало генералом КГБ. В своих воспоминаниях этот чекист охарактеризовал свою работу так: «Регион был несколько в стороне от игры главных политических сил. Нашу разведку интересовала не сама Южная Африка, и поведение здесь американцев и англичан. Было похоже, что натовское командование предполагает использо-

вать военно-морскую базу в Саймонстауне. По приглашению властей с группой дипломатов я бывал на той базе, поднимался на борт южноафриканского крейсера... Самые близкие отношения сложились у консульских работников с видными южноафриканскими коммунистами – Брамом Фишером, Юсуфом Даду, Брайеном Бантингом, Рут Ферст, некоторыми другими. Мы поддерживали тесные связи, бывали у них дома, приглашали к себе. Делать это приходилось осторожно... Хорошим поводом для контактов с людьми, которых надо было видеть, были кинопросмотры... Пользуясь этим случаем, можно было назначить встречи в консульстве».

Стрейдом умер 24 августа 1958 года. До всеобщих парламентских выборов 1958 года обязанности премьера исполнял Чарлз Сварт. Выборы принесли Национальной партии новый оглушительный успех. Подавляющее число белых южноафриканцев (в том числе и англичан) отдали свои голоса за националистов, которые заняли 103 депутатских места. Главой государства стал харизматический лидер Трансвааля Хендрик Френш Фервурд. Годы его правления можно назвать «золотой эрой апартеида». Фервурда любили и уважали практически все белые граждане Южной Африки. Он стал подлинным вождем единой нации, чему во многом способствовали и его добродетели – скромность, твердая вера, непримиримость к политическим и экономическим дельцам. Именно ему удалось осуществить давнюю мечту всех африканеров – создать полностью независимую республику. Фервурд был последним лидером Южной Африки, кто отрицал не только коммунизм, но и капитализм (хотя последний и не подавлялся).

Фервурду удалось успешно отбивать атаки либералов и лондонских политиков. Назойливость последних и привела к полному политическому разрыву с метрополией. 3 февраля британский премьер-министр Гарольд Макмиллан произнес в Кейптауне речь, которая была названа «О ветре перемен». В ней он выразил резко отрицательное отношение своего правительства к расовой политике Южно-Африканского Союза. 16 апреля некий Дэвид Пратт совершил покушение на Фервурда, когда тот открывал выставку в Йоханнесбурге. Хотя Пратт был признан невменяемым и заключен в психиатрическую лечебницу (где он спустя несколько месяцев покончил жизнь самоубийством), в глазах африканерского общества попытка убить их премьера была связана с позицией Англии. Некоторые газеты прямо заявили, что Пратт являлся агентом британских спецслужб, или «по крайней мере, направлялся ими».

Так создалась благоприятная конъюнктура для решительных действий. На 3-ем национальном съезде правящей партии в Блумфонтейне Фервурд заявил: «Мне кажется, что белые нации готовы оставить белых в Южной Африке на произвол судьбы. Мы не принимаем ту точку зрения, что права белого меньшинства будут удовлетворены в многорасовом обществе, где белые будут соревноваться с черными на основе равенства, что, в конечном счете, может только означать создание черного правительства». Далее он выступил с предложением о провозглашении Южной Африки независимой от Великобритании республикой. 5 октября состоялся общенациональный референдум по этому вопросу. Хотя оппозиционная Объединенная партия и значительная часть англоязычных южноафриканцев была против республики, Фервурду удалось добиться победы при помощи нехитрых манипуляций. Так, был понижен возрастной ценз для белых, что позволило принять участие в плебисците большому числу африканеров (африканерские семьи были значительно более многодетны, чем английские).

Разумеется, это взбесило власти Великобритании (хотя они уже давно никак не влияли на политику ЮАС). В марте 1961 года в Лондоне прошла конференция премьер-министров стран-членов Британского Содружества, на которой Фервурда начали распекавать за расистские порядки в его стране. Премьер-министр сразу же вывел Южную Африку из Содружества, а 31 мая 1961 года была провозглашена Южно-Африканская Республика. Состоявшиеся в том же году выборы еще более укрепили

позиции Национальной партии, которая увеличила число своих мест в парламенте до 105.

Теперь Фервурд предпринял шаги по окончательному примирению с английской частью общества. В свой кабинет он ввел двух англоязычных министров, а Национальная партия развернула кампанию по привлечению в свои ряды белых южноафриканцев-неафриканеров. К середине 1960х годов число таковых возросло до 30% общего количества партии.

Важную роль здесь сыграла и позиция «Брудербонда». 1 августа 1962 года в циркуляре его председателя Пита Мейера определялись следующие задачи: «Сотрудничество между двумя белыми группами не означает, что мы, африканеры, должны внезапно и с чувством вины подчиниться англоговорящим южноафриканцам ради установления с ними контактов. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы убедить их сотрудничать с нами на принципах Национальной партии; при этом не существует принципов или заповедей, которые мы могли бы принести в жертву. Мы должны постоянно следить за тем, чтобы африканер не англизировался больше, чем африканеризируется англоязычный южноафриканец. Наша цель – полный переход наших англоязычных сограждан на националистические позиции в политике и на африканерские позиции в вопросах культуры».

Фервурд был последовательным сторонником создания в стране бантустанов, или национальных отечеств банту, в которых африканцы могли бы продолжать развиваться в соответствии со своими собственными национальными традициями, не испытывая соблазнов разлагающей их европейской цивилизации. Премьер-министра поддержала влиятельная африканерская газета «Трансвалер»: «Территориальный раздел приведет к тому, что европейцам придется самим выполнять всю необходимую работу. И этот великий идеал должен быть достигнут, если мы хотим и в дальнейшем сохранить и укрепить европейскую цивилизацию в южной части Африки. Между тем, надо честно и открыто сказать, что у большинства европейцев еще не проснулось сознание того, что это единственное средство спасти здесь цивилизацию. За три столетия в европейцах настолько укоренилась привычка думать, будто они выше некоторых видов работы, и что для выполнения таких работ существуют неевропейцы, что они просто не мыслят себе, как может быть иначе».

В начале 1960х годов была даже выдвинута идея создать отдельное национальное отечество для цветных. Однако было решено не делать этого. Прислушались к мнению профессора С. Цилльерса: ссылаясь на то, что основой политики бантустанов является удовлетворение стремлений народов к самостоятельному национально-культурному развитию, он заявил, что между африканерами и цветными различий в культурных традициях не существует.

При правительстве была создана комиссия по вопросам социального и экономического развития банту, которая обосновывала необходимость переселения всех африканцев из белой зоны на отведенные им территории (они соответствовали традиционным районам племенных расселений). По замыслу Фервурда, бантустанам предусматривалось предоставить сначала внутреннее самоуправление, а затем независимость, в итоге чего стало бы создание «созвездия государств Южной Африки» в составе одного белого и десяти черных государств. В 1958 году вышел закон о поощрении самоуправления банту. В бантустанах вводились собственные правительства и парламенты, избираемые негритянским населением. А закон об инвестиционных корпорациях банту (1959) создавал основу для экономического развития африканских национальных отечеств.

Подавляющее большинство туземцев эта схема совершенно устраивала. Отчасти она начала действовать еще до Фервурда. К примеру, подобным статусом уже довольно давно пользовалась территория, примыкающая к побережью Индийского океана. Эта

самая большая резервация Южной Африки именовалась Транскей. По закону 1924 года здесь было запрещено селиться белым, за исключением так называемых трейдеров, совмещавших функции продавцов, врачей и почтальонов. При этом трейдерам было нельзя располагаться ближе, чем на расстоянии восьми километров друг от друга.

В Транскее жили племена, именующие себя «коса». Это одно из ответвлений зулусов. Помимо них туг обитали и потомки беженцев, которые в 1823 году устремились сюда с севера, спасаясь от отрядов зулусского «государства». «Коса» называли их «финго», то есть рабами, считали низшей расой и не разрешали жениться на своих дочерях. «Финго» выполняли самую грязную работу и были, таким образом, изгоями в Транскее.

Традиционная система, согласно которой «коса» управлялись своими вождями, была закреплена в законодательстве, препятствующем проникновению цивилизации в этот заповедник. Показательно, что организованные таким образом африканцы относились к европейцам с неизменным уважением.

К 1960 году в бантустанах проживало около 40 % африканского населения Южной Африки. В 1963 году был принят закон о конституции Транскея. Столицей этой территории становилась Умтата. Здесь заседало законодательное собрание из 4 верховных вождей и 60 вождей, занимающих ответственные посты в 9 административных округах Транскея. Выборная часть парламента была представлена 45 депутатами. Вводилась собственная символика, в том числе гимн – «Нкоси Сикелел'и Африка» (с 1994 года – гимн ЮАР). Главой Транскея становился наиболее могущественный вождь – Кайзер Матанзима.

В 1962-1963 годах специальная комиссия разработала план бантустанизации Юго-Западной Африки. Идея организации независимых бантустанов отвечала истинному самоопределению африканских народов в соответствии с Уставом ООН. Однако не надо и говорить о том, что «мировая общественность» начала резко протестовать против подобного разрешения расового вопроса. Все бантустаны были объявлены «незаконными», а их лидеры – соглашателями с властями Претории. На вождей, чиновников и полицейских бантустанов коммунистические подстрекатели умело направляли гнев «черных масс».

Глава восьмая. Черный терроризм на марше

Именно на правление Фервурда пришлось начало вооруженной борьбы негритянских экстремистов, которых поддерживала запрещенная коммунистическая партия, а также многочисленные маргинальные группировки троцкистов и маоистов. Африканский национальный конгресс заметно активизировался еще в начале 1950х годов, но до поры до времени его действия носили лишь пропагандистский характер. Так в декабре 1951 года АНК направил премьер-министру ЮАС письмо, в котором в ультимативной форме потребовал предоставления африканскому населению прямого представительства в парламенте. Далее шли угрозы, что в случае невыполнения этого требования к 29 февраля 1952 года, АНК предпримет «массовые действия».

26 июня была провозглашена кампания неповиновения, возглавил которую Нельсон Мандела. Начался призыв негритянских боевиков. В первые недели власти арестовали 500 негров и индийцев в восточной части Капской провинции и 100 в Ранде за выход на улицу после начала комендантского часа, нарушение правил апартеида на железнодорожных станциях и в почтовых конторах, вход без разрешения в поселки. К 30 сентября число задержанных достигло 5 тысяч.

В марте 1954 года АНК, Индийский конгресс, Южноафриканская организация цветного населения и Южноафриканский конгресс демократов провели совещание, на котором было решено провести «народный конгресс». 25-26 июля 1955 года в деревне Клиптаун под Йоханнесбургом собралось около 3 тысяч «делегатов», принявших так называемую «Хартию свободы». Этот документ, будто бы написанный под диктовку коммунистов, представлял собой перечень откровенно демагогических заявлений и требований. Так, отмечалось, что «власть и богатства страны должны принадлежать народу», «землю надо отдать тем, кто ее обрабатывает», «работу и обеспеченное существование необходимо гарантировать всем» и т.д.

Неудивительно, что правительство сразу же объявило «конгресс» актом измены, в Клиптаун была введена полиция, которая переписала фамилии и адреса всех «делегатов», конфисковала документацию и пропагандистские материалы (поставлявшиеся, как известно, советским консульством).

6 декабря 1956 года были арестованы 156 наиболее агрессивно и радикально настроенных коммунистов, либералов и черных расистов. Всех их доставили в Йоханнесбург, где начался беспрецедентный по масштабам процесс о государственной измене. Суд продолжался 4 года и вскрыл многие аспекты подрывной работы, умело направляемой из-за рубежа.

Как ни странно, все обвиняемые были выпущены на свободу. Это был своеобразный «жест доброй воли» со стороны Хендрика Фервурда, надеявшегося таким образом продемонстрировать, что Южно-Африканское государство вовсе не является «фашистской диктатурой», как об этом твердили коммунистические агитаторы. К сожалению, Фервурд совершил ошибку. Амнистированные преступники вовсе не отказались от своих взглядов. Более того, многие из них с яростным фанатизмом вновь включились в «борьбу», прибегая на этот раз к средствам, гораздо более серьезным, чем листовки и пропагандистские завывания в прокуренных и грязных подпольных питейных заведениях.

Подстрекатели старались использовать малейший повод для того, чтобы организовать стачку или забастовку. Еще в начале 1957 года таким поводом стало повышение платы в автобусах Йоханнесбурга на один пенс. В итоге 50 тысяч негров, соблазненных черными и красными активистами, стали ходить на работу пешком, пока прежняя плата не была восстановлена.

21 марта 1960 года радикально-расистский Панафриканский конгресс (эта организация вышла даже из АНК, поскольку ее лидеры были против объединения различных рас) развернул кампанию по сопротивлению режиму пропусков. К акциям присоединился АНК. Одним из итогов этой кампании стало то, что протестующие негры в Шарпевиле и Ланге зверски убили трех африканских полицейских и нанесли серьезные ранения еще 33 белым, одному цветному и 25 африканским сотрудникам полиции. Власти были вынуждены жестко подавить бунт и объявить в стране чрезвычайное положение, что сыграло на руку врагу: коммунистическая пропаганда как обычно перевернула все с ног на голову (агитаторы заявляли, что в Шарпевиле полиция убила десятки «ни в чем не повинных» африканцев, «в том числе детей»).

Так подрывные силы развязали руки террористам. Негры при основательной поддержке белых ренегатов создали экстремистскую организацию «Умконто ве сизве» («Копье нации»), открыто провозгласившую курс на совершение диверсионных действий для свержения власти белых.

В ночь на 16 декабря 1961 года (национальный праздник в честь годовщины победы буров над войском зулусов на реке Баффало) террористы устроили серию взрывов в крупных городах страны. Непосредственный участник этих событий – коммунистический диверсант Ронни Касрилс подробно описал подноготную этой чудовищной опе-

рации в своих мемуарах. Касрилс был выходцем из ортодоксальной иудейской семьи. Уже в школе он примкнул к коммунистической партии, после этого – к Конгрессу демократов, затем вошел в состав АНК и возглавил его разведку. Он спланировал десятки террористических актов. В настоящий момент Касрилс – заместитель министра обороны ЮАР. Он пишет:

«Я стал членом Натальского регионального командования «Умконто де сизве». Руководителем регионального командования был Кеник Ндлову, секретарь профсоюза портовых и железнодорожных рабочих... Общенациональное руководство... дало нам указание приступить к делу и начать набор активистов АНК из черных поселков в местные структуры командования...

После приезда Джека мы получили указания от Национального верховного командования из Йоханнесбурга. Дата проведения первых операций была назначена на 16 декабря 1961 года. Когда Кеник Ндлову сообщил нам об этом, слышались приглушенные возгласы одобрения.

Мы получили указание атаковать правительственные здания, особенно тех ведомств, которые были связаны с политикой апартеида. Вечер за вечером мы растирали химикаты в задней комнате аптеки Стива. Нам нужно было 20 килограммов «смеси Джека» для того, чтобы сделать четыре бомбы. Это была довольно тяжелая работа.

К 16 декабря мы были готовы. Мы аккуратно обернули каждую бомбу в рождественскую оберточную бумагу и передали их различным боевым группам. Целью для нашей группы был большой правительственный комплекс, из которого чиновники апартеида осуществляли полный контроль над тысячами африканцев, пытавшихся найти там работу или получить разрешение на проживание в Дурбане. Это место охранялось подразделением муниципальной полиции, которую из-за цвета их формы прозвали «черные джеки». Мы уже спрятали мешки с песком в высокой траве около бокового входа в здание. Сразу же после полуночи наша группа осторожно приблизилась к зданию. Бруно подготовил взрыватель замедленного действия и приготовился в последний момент влить кислоту, Я пошел с другой стороны дороги, держа в руках «рождественский подарок». Третий подрывник возился с мешками с песком, а четвертый наблюдал за обстановкой вокруг. «Черные Джеки» были погружены в беседу на другой стороне здания.

Я снял оберточную бумагу и положил созданную нами бомбу к двери. Бруно положил капсулу с кислотой в презерватив, содержащий воспламеняющий порошок, и привел бомбу в боевую готовность. Мы обложили бомбу мешками с песком, чтобы направить взрывную волну вовнутрь, после чего растворились в разных направлениях...

Заголовки на всю страницу в газетах сообщали об успешных взрывах бомб в правительственных зданиях в Йоханнесбурге и Порт-Элизабет. Дурбан упоминался слабо.

Взрывные устройства были подложены к главному бюро по выдаче пропусков и к Департаменту по делам цветных и индийцев, а также к зданиям муниципалитетов. В нескольких местах начались небольшие пожары, но бомбы не взорвались».

Наиболее активными террористами поначалу были белые. Именно они обучили негров приемам и хитростям подрывной работы и тактике диверсий. Довольно показательно следующее высказывание Касрилса о своих «коллегах»: «Я работал, пребывая в заблуждении, что единственными белыми, которые были озабочены расовым угнетением черных, были евреи».

Правительственная комиссия, назначенная для проведения расследования подоплеки взрывов, выяснила, что для усиления рядов «Копья нации» в Южную Африку были присланы специалисты по диверсиям и подрывной деятельности, подготовленные

в других африканских странах, в СССР и даже на Кубе. Черных террористов готовил и Китай, лидер которого Мао Цзэдун после конфликта с советским руководством выдвинул теорию о том, что новым центром мировой революции стал так называемый третий мир.

Еще одной террористической бандой стала созданная Панафриканским конгрессом в конце 1962 года организация «Поко». По словам ее главаря П. Лебалло, в ней состояло 150 тысяч человек, «готовых сражаться против господства белых». Конечно, эта цифра была весьма завышенной, но от этого угроза обществу никак не снижалась. Члены «Поко» зарезали трех полицейских в локации Ланга возле Кейптауна, до смерти запытали 8 «осведомителей» а Паарле, убили одного племенного вождя в Транскее, а на главу правительства этого бантустана – вождя Кайзера Матазинзиму – совершили покушение, совершили многочисленные нападения на белых граждан ЮАР.

В ночь на 21 ноября 1962 года члены «Поко» по дороге из поселка Мбеквени возле Паарля совершили неудачное нападение на полицейский участок. Когда атака была отбита, негры принялись буйствовать в округе, грабить лавки, врывать в частные дома, в одном из которых они подняли с постели и убили молодых супругов, в других – тяжело ранили еще нескольких белых. Пятеро нападавших были убиты полицейскими, затем было арестовано еще несколько сот бандитов.

Ночью 2 февраля 1963 года 50 боевиков «Поко» напали на туристический лагерь у моста через реку Баши в Транскее. Вначале они забросали кемпинг бутылками с зажигательной смесью, а затем, применив огнестрельное оружие, убили нескольких белых, спавших в автофургонах.

Весной 1963 года были приняты решительные меры против черных террористов и их пособников. Значительно расширены права полицейских («любой полицейский может без ордера арестовать или отдать приказ об аресте любого лица, которое он с достаточным на то основанием заподозрит в совершении или намерении совершить преступление, предусмотренное законом о подавлении коммунизма или закона о запрещении незаконных организаций, или совершивших акт саботажа, и содержать в любом месте для допроса в течение до 90 дней; никому кроме судьи не разрешается свидание с таким лицом, никакой суд не может распорядиться о его освобождении»). Против принятия этого закона в парламенте проголосовала только одна Элен Сузман (единственная представительница Прогрессивной партии). Остальные депутаты сплотились против черной опасности.

В итоге «Поко» была нокаутирована: арестовано более 1100 активистов, разгромлены подпольные базы, изъяты списки членов банды. Летом 1963 года в результате масштабного полицейского рейда на подпольную базу на ферме в Ривонии было арестовано и высшее руководство «Копья нации».

Прошла серия громких процессов над террористами, которые на этот раз отделались не так легко, как прежде. Так, суд в Претории обвинил Нельсона Манделу в организации более 200 крупных диверсионных операций, в числе которых было разрушение мощной бомбой кабинета одного из членов правительства, взрывы мачт электрокоммуникаций, трансформаторов, железнодорожных путей, семафоров, бюро по выдаче пропусков. За все это Мандела и его соратники получили пожизненное заключение. Остававшиеся на свободе лидеры черных экстремистов были вынуждены либо уйти в глубокое подполье, либо вовсе эмигрировать. Значительная часть боевиков также покинула Южную Африку, перейдя через границу в сопредельные государства, где начали создаваться партизанские базы.

Успех по нивелированию террористической деятельности был очевидным. Нация полностью поддержала свое правительство, что показали выборы марта 1966 года,

когда Национальная партия значительно увеличила количество своих мандатов (до 126!). Таким образом, был достигнут «социальный мир».

Идиллия рухнула 6 сентября 1966 года. Димитри Тсафендас, грек по происхождению, сумел нанести Фервурду смертельный удар ножом прямо в здании парламента. Причины, побудившие Тсафендаса совершить это преступление, остались до конца не выяснены. Некоторые утверждали, что виной всему была невозможность брака между греком и цветной женщиной (подобные браки были, напомним, в ЮАР запрещены). Но сам Тсафендас на суде «отстаивал» другую «версию»: убить Фервурда ему якобы «приказал червь, сидящий у него в животе». Генеральный прокурор настаивал на политической окраске преступления, однако судья Байере признал убийцу умалишенным.

Глава девятая. Начало конца

В пропагандистской литературе почему-то считается, что преемник Фервурда на посту премьер-министра – Балтазар Форстер – фактически ничем не отличался от своего предшественника. Апартеид якобы продолжал укрепляться, а африканцы ущемлялись в своих правах с той же настойчивостью. Все это нисколько не соответствует истине. Период правления Форстера – это начало разложения системы апартеида, подмена прежних африканерских ценностей идеями западного мира (естественно, с местной спецификой), существенная либерализация политической и экономической сферы жизни общества.

До своего избрания на пост главы государства Форстер был министром юстиции, полиции и тюрем. Он довольно активно и успешно боролся с черным экстремизмом, кроме того, еще с 1930-х годов Форстер считался в партии твердым и бескомпромиссным человеком, до конца отстаивающим свои убеждения. В годы Второй мировой войны он, напомним, был интернирован за свои пронацистские взгляды (Форстер перевел на африкаанс «Мою Борьбу» Гитлера и был генералом «Осеева Брандваг»). Все это создавало ему ореол фанатичного лидера, который сможет постоять за идеи африканеров.

Однако подобные ожидания оказались фикцией. Сразу после смерти Фервурда в недрах Национальной партии выявились противоречия между крупной африканерской буржуазией и промышленниками с одной стороны, и между фермерами – с другой. Политически этот конфликт оформился в противостояние двух фракций, условно именуемых «ферлихте» (просвещенные) и «феркрампте» (твердые, консерваторы). Первые заявляли о том, что экономическое развитие ЮАР тормозит неблагоприятный имидж страны за рубежом, и это отпугивает потенциальных инвесторов. Поэтому необходима либерализация, смягчение апартеида и предоставление некоторых политических прав черному большинству. Открытую поддержку подобным идеям высказал крупнейший южноафриканский промышленник, директор правления «Англо-Американской корпорации» Гарри Оппенгеймер («Дискриминация по расовой принадлежности или по цвету кожи является неправильной с точки зрения морали, а с точки зрения экономики – неприемлемой»). «Феркрампте» же продолжали настаивать на сохранении прежнего курса и выступали против того, чтобы во главу угла ставились лишь экономические интересы.

Хотя Форстер открыто не примкнул ни к одной из этих фракций, он начал предпринимать шаги, которые отвечали интересам либералов. В начале 1967 года Форстер принял решение об установлении дипломатических отношений с некоторыми странами Африки, не проконсультировавшись с парламентской группой Национальной партии. В феврале на заседании фракции часть депутатов во главе с Япом Марэ и Йоханнесом ван Ренсбургом подвергла резкой критике внешнеполитический курс правительства. Парламентское единство было подорвано.

Сформировалась внутривнутрипартийная группа, выражавшая недовольство политикой премьер-министра по отношению к странам Африки, англоязычным южноафриканцам, иммиграции и бантустанизации. Радикальных националистов не устраивало, что в ЮАР значительно увеличилось число католиков из Южной Европы и Латинской Америки, поскольку приезжие «зачастую безразлично относились к цвету кожи и не стремились к изучению африкаанс, создавая, таким образом, угрозу африканерской культуре и языку». Радикалов не устраивало и то, что правительство растрачивало огромные суммы на развитие экономики бантустанов, кроме того, «политика правительства приводила к увеличению роли африканцев в сфере труда».

Лидером «феркрампте» вскоре стал сын генерала Джеймса Герцога, министр здравоохранения, почт и телеграфа Альберт Герцог. В 1968 году Форстер лишил его министерских постов. После этого, в феврале 1969 года Герцог выступил с большой речью в парламенте, в которой он выступил с уничтожающей критикой в адрес политики Форстера, обвинил премьера в отходе от принципов Национальной партии и призвал руководствоваться кальвинистской верой и традициями, которые составляют сущность африканерской нации.

Конфликт между Герцогом и Форстером достиг кульминации в сентябре 1969 года на съезде партии в Трансваале. Сторонники «феркрампте» выдвинули предложение о проведении голосования об оказании вотума доверия руководству партии. Делегатам было предложено подтвердить свою поддержку курсу правительства по следующим вопросам: об отношениях с англоязычными, о дипломатических связях с африканскими государствами, об иммиграционной политике и о политике в области спорта. В итоге большинство поддержало Форстера, и в октябре Герцог и его сторонники, включая четырех депутатов парламента, вышли из Национальной партии, образовав Возрожденную национальную партию (ХНП). Через некоторое время лидером партии стал Я. Марэ, а А. Герцог возглавил фонды «политической опеки» для оказания финансовой помощи правой прессе и радикальным полувоенным политическим и культурным организациям африканеров: фонд Питера Нитлинга, Йоханы Циервогель, «Африканерперсфондс» и «Африканерперсфондсраад».

Партия призывала к «истинному африканерскому национализму Стрейдома и Фервурда», неукоснительному соблюдению принципов чистого апартеида и всемерному укреплению господства африканеров. Выдвигались требования запрета на проживание африканцев в городах, более строгого разделения коммунальных и социальных услуг между белыми и небелыми, снижения расходов на образование негров, сокращения жилищных и социальных услуг для небелых. В ряду более радикальных лозунгов: признание африкаанс единственным официальным языком ЮАР и ограничение темпов экономического роста: «Надо защитить экономику ЮАР от пагубного влияния внешних финансовых тенденций».

Основной социальной опорой ХНП стали африканерские фермеры и белые рабочие, внушительная часть священников, некоторые профессора и преподаватели ВУЗов северных провинций ЮАР. Белый рабочий «класс» Южной Африки в этот момент и позднее представлял собой радикально-консервативную группу, не желавшую идти ни на какие уступки черному и цветному «пролетариату». Крайне-правые позиции заняло и руководство профсоюзов, занявших бескомпромиссную линию в отношении любых реформ, ущемлявших интересы белых.

Несколько позже к электорату ХНП присоединилась многочисленная армия государственных служащих. Этому способствовало снижение на протяжении 1970х годов реальной заработной платы белых чиновников и увеличение доли неевропейцев в аппаратах госучреждений. За 1974-1979 годы реальные доходы белых служащих центрального аппарата уменьшились на 23 %, а чиновников провинциальных органов – на 12 %. Это принуждало госслужащих массово покидать свои места и искать работу в более экономически выгодных сферах. Соответственно, росло количество

черных и цветных чиновников. К началу 1980х годов число последних достигло 65% всего государственного аппарата!

Правительству Форстера удалось добиться внушительных экономических успехов, однако это мало влияло на политическую изоляцию ЮАР. Отношения с «мировым сообществом» продолжали осложняться. Еще с начала 1950х годов вопрос об апартеиде был постоянным и одним из наиболее важных пунктов повестки дня в ООН.

Правительство ЮАР сразу же заняло твердую позицию, отвергавшую право Генеральной Ассамблеи ООН обсуждать эту проблему, ссылаясь на пункт 7 статьи 2 Устава ООН о невмешательстве во внутренние дела государств-членов. В 1955 году в знак протеста ЮАС отозвала своего представителя на Генеральной Ассамблее ООН и возобновила участие в ее работе лишь в 1958 году. В 1974 году Генеральная Ассамблея заявила о непризнании полномочий делегации ЮАР, и с этого времени ее представители не принимали участия в ее работе. В 1977 году Совет Безопасности ООН принял резолюцию о введении обязательного эмбарго на поставки оружия в ЮАР, и о запрете сотрудничества в ядерной области с режимом апартеида. В 70-х годах ряд стран – производителей и экспортеров нефти на мировой рынок ввел на добровольной основе эмбарго на поставки ее в ЮАР. Фактически страна была отстранена от участия в международной жизни.

Поэтому при Форстере приоритетным направлением внешней политики ЮАР стало региональное. Руководство страны стремилось сохранить и укрепить «буферную зону» из колониальных территорий, с тем, чтобы не допустить приближения «национально-освободительной» войны к своим границам. В этот период ЮАР предприняла попытки аннексии Лесото, Ботсваны и Свазиленда, оказывала помощь режиму Яна Смита в Южной Родезии (бывшая английская колония, в которой существовал режим, аналогичный южноафриканскому апартеиду).

Стремясь сохранить гегемонию ЮАР в регионе, Форстер выдвинул идею создания Южноафриканского содружества («Созвездия государств Юга Африки»). В ее основе помимо политических целей примирения соседних государств с режимом апартеида лежали также экономическая взаимозависимость стран Юга Африки, общность их исторического развития. В этот период были установлены дипломатические отношения с Малави, позднее оказавшейся единственной африканской страной, не разорвавшей дипломатических связей с Преторией. Африканский рынок продолжал служить для сбыта товаров многочисленных отраслей экономики ЮАР.

Отношения ЮАР с неафриканскими странами концентрировались на двух главных направлениях. Одно из них – развитие сотрудничества с государствами, политические и экономические интересы которых не препятствовали поддержанию связей с Южной Африкой. К их числу относились, прежде всего, Израиль, Чили, Парагвай, Тайвань, Южная Корея.

Важнейшее место в этой группе стран правительство Форстера отводило Израилю. С конца 1960х годов ЮАР все в большей мере использовала свои связи с этим государством для преодоления своей растущей изоляции в мировом сообществе, особенно в отношении поставок вооружений и передовых технологий. В 1969 года Израиль впервые направил в ЮАР своего представителя в ранге посла. В 1972 году открылось генеральное консульство ЮАР в Израиле. Во время ближневосточной войны 1973 года ЮАР открыто встала на сторону Израиля. В 1976 году Форстер посетил Израиль с официальным визитом, в результате которого между двумя странами было заключено соглашение о всестороннем сотрудничестве.

Чрезвычайно важной сферой внешнеполитической деятельности ЮАР являлись отношения с ведущими западными державами, прежде всего с Соединенными Штатами Америки, Великобританией, ФРГ, Францией, Японией, которые были ее главными

торгово-экономическими партнерами. В условиях раскола мира необходимость консервации сложившихся связей с Южной Африкой, являвшейся важнейшим источником золота и стратегического сырья для мирового рынка, имела для Запада первостепенное значение. Поэтому с начала 1970х годов и, особенно, в период проведения правительством ЮАР «нового курса» западные державы в целом поддерживали внешнюю политику Претории, направленную на нормализацию отношений со странами континента за рамками проблемы апартеида.

В 1970е годы атаки террористических сил на режим апартеида участились и приобрели перманентный характер. Внутри ЮАР рост «черного самосознания» все чаще приводил к масштабным акциям протеста, переходившим в вооруженное противостояние. Наибольшую известность получил так называемый «школьный бунт» в пригороде Йоханнесбурга Соуэто 16 июня 1976 года. В этот день коммунистами и черными расистами была провозглашена очередная акция неповиновения. В качестве «повода» к беспорядкам подстрекатели избрали отказ властей отменить африкаанс в качестве обязательного языка в школах (довольно странное требование, учитывая то, что африкаанс все же являлся основным государственным языком страны). На улицы вышли тысячи перевозбужденных черных студентов и школьников, принявшихся переворачивать полицейские автомобили, поджигать лавки и магазины, убивать представителей власти (особенно жестокому насилию подвергались африканские полицейские и служащие). Полиция была вынуждена открыть огонь по беснующейся толпе, после чего беспорядки перекинулись на территорию всего Соуэто и продолжались до конца 1976 года.

На какие бы уступки и послабления ни шло правительство Форстера, лидеры «национально-освободительных» движений не желали идти ни на какие переговоры, и лишь радикализировали свою борьбу. Когда в середине десятилетия в Португалии был совершен военный переворот, и к власти пришло либеральное правительство, обстановка на юге Африки накалилась. Португалия предоставила независимость своим колониям, в частности, Анголе. Последовал новый всплеск гражданской войны, активизировавший террор против мирного населения (прежде всего, белого) как в самой Анголе, так и в Юго-Западной Африке (подмандатной территории ЮАР), и в целом ряде соседних африканских государств. Только из Анголы были вынуждены бежать сотни тысяч европейцев и метисов. В те же годы левые радикалы пришли к власти в Мозамбике, а несколько позднее – в Южной Родезии, тут же переименованной в Зимбабве. Руководители всех этих государств открыто оказывали политическую и вооруженную поддержку коммунистическим партизанам, создававшим в «прифронтовых государствах», граничащих с ЮАР, свои лагеря и базы. Участились диверсионные вылазки и на саму территорию Южно-Африканской Республики.

Большую помощь оказывали также Куба, СССР и другие страны варшавского договора. Эта помощь носила разный характер (от финансирования и вооружения, до посылки в Африку своих контингентов и инструкторов), но в любом случае имела подрывной характер, направленный на ликвидацию белого присутствия в регионе и установление здесь просоветских режимов. Наиболее масштабной была помощь Кубы; с 1975 по 1988 годы в Африке воевало в общей сложности 500 тысяч представителей «острова свободы».

Все это неизбежно привело к тому, что в ЮАР резко возросло влияние военных и полиции. Уже с конца 1960х годов полицейские силы начали вооружаться современным оружием, в том числе автоматическим, а также бронетехникой. Кроме того, были сформированы полицейские резервы, состоящие из белых добровольцев, прошедших подготовку и привлекавшихся при чрезвычайных обстоятельствах. Было усилено так называемое «Особое отделение» полиции, занимавшееся расследованием и предупреждением политических преступлений.

Для нивелирования угрозы существованию режима были созданы специальные структуры. Во второй половине 1960х годов было образовано Бюро государственной безопасности (позднее переименовано в Совет государственной безопасности) при кабинете министров. В этой организации ведущую роль стали играть армейские офицеры во главе с лидером Национальной партии Капской провинции и министром обороны Питером Ботой.

Однако главным средством предупреждения и отражения вооруженных атак отрядов террористов являлась армия. С начала 1960х годов оборонительные расходы государства неуклонно росли: увеличивались ассигнования на авиацию, возрастала численность личного состава и гражданского ополчения, закупались новейшие образцы боевой техники. В 1970е годы Южноафриканские силы самообороны (САДФ) начали предпринимать превентивные меры, в частности рейды на территории прифронтовых государств, уничтожая лагеря и базы повстанцев. В практику САДФ вошла так называемая «вертолетная оккупация» – использование высокоомобильных небольших подразделений. Активно применялась бронетехника и гаубичная артиллерия. Все было направлено на то, чтобы максимально снизить потери среди своих, преимущественно белых, солдат. С той же целью ЮАР начала поддерживать те африканские военно-политические группировки, которые выступали против марксистов, а также начала подготовку цветных и африканских подразделений в составе САДФ.

Основу военно-политической доктрины ЮАР составила «Тотальная стратегия», то есть «мобилизация всех внутренних ресурсов страны для отражения военных и террористических ударов. Главной задачей стало воспрепятствование наступления коммунизма на ЮАР (при этом «внутренний» коммунизм не отделялся от «внешнего»). В декабре 1972 года начальник генерального штаба САДФ адмирал Хьюго Биерман заметил: «Нам необходимо убедить Запад, что коммунистическое проникновение в Южное полушарие представляет собой прямую угрозу интересам Западной Европы и всего свободного мира».

Основным фронтом военного противостояния красной угрозе стала Юго-Западная Африка (позже получившая наименование Намибия). Надо отметить, что ООН еще в 1966 году прекратило действие мандата ЮАР на этой территории, однако правительство Южной Африки не пожелало бросать проживающих здесь белых на произвол судьбы. Здесь действовали законы ЮАР, были введены нормы апартеида, создано 9 бантустанов.

Часть африканского населения ЮЗА включилась в активную борьбу против белого господства, проводившуюся в основном под эгидой левацкой и расистской группировки «Народная организация Юго-Западной Африки» (СВАПО) при помощи ее военизированного террористического крыла «Народно-освободительная армия Намибии» (ПЛАН). Конфликт в Намибии можно разделить на четыре фазы.

В течение первой (1966-1973 годы) вооруженные банды начали партизанскую войну, выдвигаясь с территории Танзании и Замбии (там располагались их базы и лагеря), создавали в ЮЗА тайные опорные пункты. Действия мятежников успеха не имели. Армия и полиция ЮАР сумели ликвидировать все вторгнувшиеся на территорию ЮЗА бандгруппы. В конце 1969 – начале 1970 на конференции в Танге лидеры СВАПО объявили вооруженную борьбу «единственно эффективным способом завоевания независимости».

Вторая фаза (1973-1977 гг.) характеризуется проведением масштабной психологической кампании ЮАР «по завоеванию умов и сердец» африканского населения. Параллельно с этим, в ЮЗА была создана 101-ая армейская группировка со штабом в Хрутфонтейне. Численность САДФ здесь достигла 50 тысяч человек в 1976 году.

В ходе третьей фазы (1977-1984 гг.) произошла перегруппировка войск, штаб армейской группировки был перенесен в столицу ЮЗА Виндхук, были образованы «стратегические деревни» и «оперативные зоны» в широкой полосе вдоль границы с Анголой и Замбией, численность войск возросла до 75 тысяч человек (1980 г.), активно формировались подразделения из местного африканского населения, созданы Территориальные силы ЮЗА численностью 20 тысяч человек.

Во время четвертой фазы (1984-1989 гг.) боевые действия бандподполья активизировались, общая численность войск САДФ и Территориальных сил ЮЗА была доведена до 100 тысяч человек. Партизанская война распространилась на центральные районы страны. После подписания международных соглашений войска ЮАР покинули территорию Намибии.

Поскольку основные базы боевиков располагались в «прифронтовых государствах», САДФ периодически наносила превентивные удары по Анголе, Лесото, Ботсване, Замбии, Зимбабве. Такая практика вполне оправдывала себя до того времени, пока правительство ЮАР не капитулировало перед черным большинством и «мировым сообществом».

Глава десятая. Эрозия апартеида

Вся правда о том, как Запад предал белое население Южной Африки, видимо, не будет сказана никогда. Известны лишь факты, лежащие на поверхности. Форстер, несмотря на начатые им реформы, все же оставался африканерским националистом, и совершенно не желал, чтобы страна оказалась в объятиях хаоса. Он противился чересчур радикальным требованиям либералов и «мировой общественности». Другими словами, он начал мешать кому-то диктовать свою волю, и беспрепятственно навязывать свою политику.

С середины 1978 года в англоязычной печати стали появляться сообщения об использовании министерством информации секретных фондов для финансирования африканерской националистической прессы. Источником этих сведений были представители лагеря «ферлихте» – Питер Бота, начальник генерального штаба Магнус Малан и представитель ЮАР в ООН Рулоф Бота. Была созвана правительственная комиссия, которая выявила факт создания секретных фондов, подотчетных только премьер-министру и министру информации. Эти фонды должны были использоваться для ведения «психологической войны». В подготовке пропагандистских акций, направленных на дискредитацию либеральной оппозиции, оказался замешан и Совет государственной безопасности.

В итоге была начата настоящая травля премьер-министра, причем не только со стороны «мирового сообщества», но и со стороны «общественного мнения» внутри ЮАР (посредством прессы, принадлежащей транснациональным корпорациям). Не выдержав давления, Форстер был вынужден подать в отставку.

К власти пришли те, которых современные белые южноафриканцы не устают проклипать каждый день. Выполняя указания и инструкции своих заморских хозяев, Питер Бота, занявший пост премьера, приступил к коренным реформам. Законы 1979 и 1981 годов легализовали африканские профсоюзы и отменили цветной барьер в промышленности.

Затем началась подготовка к изменению конституции и государственного устройства. Суть изменений сводилась к замене существовавшего двухпалатного парламента тремя отдельными парламентами для белых, цветных и индийских граждан. Черные не являлись гражданами ЮАР и имели собственные органы власти в своих хоумлендах-бантустанах, большинство из которых к этому времени стали независимыми гос-

ударствами (правда, не признанными ООН). Главой государства становился не премьер, а президент, которого избирала Коллегия выборщиков, назначаемая из представителей трех парламентов.

Все это (особенно то, что белые и небелые должны были заседать вместе в Президентском совете) вызвало резкую критику националистов. В начале октября 1981 года на заседании руководства Национальной партии Трансвааля разногласия между «ферлихте» и «феркрапте» привели к расколу. Лидер трансваальской Национальной партии А. Треурнихт, поддержанный депутатами Дааном ван дер Мерве и Томасом Ленгли, выступил с разоблачением политического курса правительства. Сторонников премьер-министра возглавил министр шахт и энергетики Фредерик де Клерк. Конфликт сопровождался массовым переходом членов Национальной партии в Возрожденную Национальную партию (ХНП).

В ноябре в Претории состоялся ежегодный съезд НП Трансвааля. Большинство делегатов поддержало Треурнихта и съезд принял резолюцию, призывающую П. Боту «отказаться от ненужных и вредных реформ». Крупнейшие же бизнесмены, напротив, потребовали от Боты решительно отмежеваться от оппозиции и ускорить реформы.

2 марта 1982 года Треурнихт в знак протеста вышел из состава кабинета министров, после чего был исключен из Национальной партии (вместе с ним были исключены еще 15 депутатов парламента). 20 марта на массовом митинге в Претории он объявил о создании Консервативной партии ЮАР

Бота и его окружение добивались своего, используя самые нечистоплотные методы. Надо отметить, что все их грязные акции едва ли могли быть проведены без ведома руководства «Брудербонда». Действительно, эта организация полностью переродилась и перестала соответствовать тем целям и задачам, которые некогда ставили ее основатели. В феврале 1981 года ее лидер Геррит Вильджоин призвал к пересмотру законов «О запрещении смешанных браков» и «О безнравственности», и заявил, что «Национальная партия больше не может служить средством исключительности африканеров». В «Брудербонде» тут же произошел раскол. Верные своим принципам африканеры вышли из организации и основали группу «Акси эй Тоикомс» («Действия в пользу будущего», АЭТ). Группу возглавил Алкмаар Сварт, а лидером женского крыла организации стала дочь Хендрика Фервурда Анна Бошофф. В марте 1982 года АЭТ вошла в состав Консервативной партии Треурнихта.

В ноябре 1983 года в ЮАР прошел референдум по вопросу новой конституции. Для того, чтобы создать видимость поддержки, правительство пошло на беспрецедентные меры: в плебисците было разрешено участвовать даже лицам, не имевшим южноафриканского гражданства! В конечном итоге, в мае 1984 года парламент принял закон об изменениях в конституции.

Вскоре началась работа по отмене основных законов апартеида: «О расселении по расовым группам», «О регистрации населения», «О безнравственности» и «О запрещении смешанных браков».

Все это привело к значительному увеличению числа сторонников Возрожденной национальной партии и Консервативной партии. В январе 1984 года о солидарности с политикой Треурнихта заявил председатель Национальной партии Юго-Западной Африки К. Преториус.

На рубеже 1970-1980х годов в ЮАР возникло значительное количество ультраправых белых политических организаций и групп. Наиболее известным стало действующее по сей день Африканерское движение сопротивления («Африканер Веерштандсбевегинг», АБВ) во главе с Юджином Тербланшем. Политическим крылом АБВ в

конце 1979 года стала Партия государства белого народа, а военизированные отряды стали называться «Штормфальке». Многие члены АБВ были подвергнуты уголовному преследованию за подготовку покушений, нелегальное хранение оружия и боеприпасов, организацию «акций возмездия».

Из других аналогичных групп можно назвать «Вит коммандо» («Белые коммандос»), «Блиц коммандо», нательскую англоязычную группу «Южная Африка превыше всего», женскую организацию «Каппи коммандо», объединение «Действия в пользу спасения белой ЮАР».

Предвидя печальную участь белых людей, Южно-Африканское бюро по изучению расовых отношений под руководством К. Бошшофа (после раскола в Национальной партии бюро встало на сторону консерваторов) разработало так называемый «Проект Оранж» – план создания на территории страны ряда районов, предназначенных для проживания исключительно белых. По словам Бошоффа, этот проект создавал «основы для безопасности белых в Южной Африке».

Тем временем Бота пользовался полной поддержкой Запада. Свидетельством этой поддержки явился визит Боты в Западную Европу в 1984 году. Он посетил восемь европейских государств: Португалию, Швейцарию, Великобританию, ФРГ, Бельгию, Францию, Австрию и Италию, проведя в Риме консультации с представителями администрации Рейгана. На переговорах с влиятельными представителями политических и деловых кругов этих стран Бота заверил их в своей полной лояльности и направленности политической стратегии Национальной партии на «мирную перестройку» апартеида.

В феврале 1985 года министр иностранных дел ЮАР вел переговоры с представителями администрации Рейгана, министром иностранных дел Голландии, исполнявшим в тот период обязанности председателя совета министров ЕС, в сентябре 1986 года посетил Японию. В ноябре 1986 года президент Бота выезжал с частным визитом во Францию. В итоге, была «сдана» Намибия.

В самой ЮАР набирал обороты террор черных радикалов, и это при том, что основные законы апартеида были уже отменены. Несомненный интерес представляют записки американского литовца Томаса Венцовой, эмигрировавшего из СССР и посетившего ЮАР в 1986 году. Ниже мы приведем их в некотором сокращении:

16 июня. Съездить в Южную Африку я решил месяца два тому назад. Пожалуй, опасно медлить: события развиваются быстрее, чем ожидалось. В ЮАР только что введено чрезвычайное положение – по утверждению властей, ради того, чтобы предотвратить кровопролитие. Ровно десять лет назад была расстреляна демонстрация в Соуэто – черном пригороде Йоханнесбурга. Черные радикалы собирались использовать годовщину для новых демонстраций, а то и для более решительных действий, но это, вероятно, не удастся: полицейский надзор и цензура резко усилены.

17 июня. Друзья на мою поездку смотрят по-разному. В. говорит: «В твоей биографии не хватает только ожерелья» (ожерелье – это способ борьбы черных экстремистов с неугодными лицами: на шею надевают автомобильную шину, заполненную бензином, и поджигают; иногда проходит час и больше, пока неугодное лицо отдает Богу душу).

19 июня. Вылетаю. Никаких признаков апартеида в самолете незаметно. Рядом сидят и белые, и черные, и индусы. Полет продолжается чуть ли не восемнадцать часов, с остановкой на пустынных островах Зеленого Мыса (большинство африканских стран самолеты ЮАР не принимают). Острова Зеленого Мыса – страна марксистская, и валюта ей, естественно, нужна. В аэропорту Йоханнесбурга я ожидал неприятностей. Говорят, здесь усердно ловят коммунистическую и порнографическую литературу.

На всякий случай я оставил в самолете номер «Стран мира» с портретом Ленина – поди докажи, что журнал не вполне коммунистический. И оставил зря, потому что мой багаж никто не проверял.

20 июня. В утренней газете – заявление редакции: «Наша газета публикуется в условиях чрезвычайного положения, что равносильно цензуре. В связи с этим мы не в состоянии печатать всю информацию, которая могла бы быть интересной для читателей, а публикуемые известия могут оказаться неточными и даже вводящими в заблуждение». Господи! Да если бы в «Правде» рядом с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» оказался такой абзац, то, пожалуй, и уезжать бы оттуда не стоило. Правда, такие заявления – не всюду. Их нет в газетах на языке африкаанс. Английские газеты тоже не одинаковы. Газета «The Citizen» («Гражданин») – явно правая: это можно заподозрить уже по ее названию, ибо граждане здесь по сути дела – только белые. Разумеется, она кроет на чем свет стоит Англию и Америку и рассказывает об одиноком старике, который покончил с собой, ибо на улице его оскорбляли негры. Гражданин Лодевейк Флоо, бур по национальности, пошел играть на скачках и был обнаружен с ожерельем. Обгорел он настолько, что полиция долго не могла установить ни его расу, ни пол.

23 июня. В Соуэто мне, увы, не попасть. Еще недавно туда устраивали экскурсии – по тому же принципу, что и сафари, без выхода из автобуса. Но с декабря экскурсии прекращены, поскольку обитатели Соуэто стали забрасывать автобусы камнями и переворачивать.

Натыкаюсь на раздельную уборную: белый мужской силуэт на черном фоне, а над соседней дверью черный силуэт на белом фоне. Любопытнее всего, что внутри эти два места не столь уж и различаются, оба заметно чище, чем в Нью-Йорке. Гетто по сути дела двустороннее: если белый заходит, куда ему не положено, он нарушает закон. Железнодорожный вокзал тоже имеет два разных входа, хотя непохоже, чтобы здесь разделение строго соблюдалось.

Эрозия апартеида несколько напоминает эрозию коммунизма: деньги все-таки кое-что смягчают.

Служба в армии для белых обязательна, черные туда принимаются добровольцами. «Негр до крайности меняется, когда надевает мундир солдата или полицейского: он становится лояльнее, чем любой белый». Кстати говоря, среди лояльных негров немало так называемых виадуке, которые борются с ожерельями при помощи тех же ожерелий: сожжены уже десятка два радикалов.

Кристин показывает мне северные районы города. Парки, площадки для игры в гольф, дома за высокими каменными заборами. Взломщиков здесь меньше, чем в Америке, но опасаются их много больше. Недвижимость сравнительно недорого, даже небогатые белые живут такими миллионерами. Нет ни одного дома без слуг. И вот тут Кристин взрывается: «Нам надо бежать из этой страны, хотя такого уровня жизни у нас нигде не будет. Сами-то еще продержимся, но у наших детей будущего здесь нет. И уже почти никто нас не принимает. Даже Австралия собирается запретить иммиграцию из Южной Африки. А как у вас, в Штатах? Есть ли у вас эта негритянская проблема? И кто ваши негры – тоже автохтоны или приезжие?»

24 июня. В Йоханнесбурге взорвались две бомбы, обе в уже знакомых для меня местах – на Риссик-стрит и Плейн-стрит.

25 июня. В газетах – подробности о вчерашних взрывах. Пострадало девятнадцать человек, в том числе двухмесячный ребенок. Другие известия: в Претории повешено семь человек, а всего начиная с Нового года произведено пятьдесят восемь казней. Казненные – убийцы (вероятно, как простые уголовники, так и террористы). Объем-

лен конкурс на место куратора музея, черных просят не беспокоиться. Кстати, взрыв несколько дней назад был и в Дурбане. У дверей гостиницы «Пэрэйд» взорвался автомобиль. Бомба убила двух женщин. Бомбы в Йоханнесбурге и Дурбане были советского производства.

26 июня. Экскурсия в Долину Тысячи Холмов. Гид и единственный компаньон – банкир из Цюриха – отчаянные расисты: не вступаю с ними в спор, по опыту зная, что расизм неизлечим, но прислушиваюсь не без интереса. Проезжаем пригороды Дурбана: один из них, сравнительно зажиточный, населен индусами, другой «цветными», то есть не вполне черными. Это деление городов на зоны согласно расе – один из главных доныне сохранившихся признаков апартеида. Каждое лицо от рождения приписывается к той или другой группе и живет только со своими. Но уже год тому назад отменены наказания за «порчу расы»: сейчас можно жениться и вступать в связь с кем угодно. Ребенок негра и белой – или белого и негритянки – приписывается к сословию цветных. Спрашиваю у гида, как классифицируется ребенок негра и индуски, но он затрудняется ответить. Другой еще ни в малейшей степени не затронутый признак апартеида – то, что негры лишены права голоса. В парламенте по сути дела представлены только белые, причем скорее буры, чем англичане. Белых в стране всего 14%. Гид замечает: «Апартеид – это не закон, а система. Как демократия или... или, скажем, как коммунизм. Систему в несколько дней не изменишь». Газеты: восемнадцатилетний велосипедист Мартин Кутцер наехал на мину, и ему пришлось отрезать ногу. В Дурбане судят террористов – девять мужчин, одну беременную женщину. Утверждается, что они взорвали более десятка бомб. Двое из них, кстати, индусы, а двое – врачи по профессии.

27 июня. Долгий полет до Кейптауна. Пытаюсь слегка разобраться в том, что узнал в этой стране. Община белых и община черных вообще не соприкасаются – словно параллельные прямые. Бывают исключения, но они редки. Мелочный апартеид смягчен – во всяком случае, он расшатался. В белом обществе взгляды чрезвычайно разнообразны. Противников апартеида много, но «молчаливое большинство», несомненно, за апартеид и подавление черных силой. Впрочем, оно отнюдь не молчаливо – не стесняется высказываться не только в беседах, но и в прессе. Власти представляют это большинство белых. Справа от властей находится еще господин с выразительной фамилией Треурнихти «движение сопротивления буров». Сопротивленцы настроены вполне решительно, примерно как черные радикалы, хотя и наоборот. Своим символом они избрали три семерки – вроде свастики, только из трех, а не из четырех частей. Черное общество разнообразно, пожалуй, не менее. Есть витдуке, которые расправляются с радикалами. Есть епископ Туту, почти радикал, но порицающий ожерелья и бомбы. На то он и епископ. Есть Нельсон Мандела, сидящий в тюрьме двадцать четвертый год: пожалуй, его бы выпустили, но он принципиально не согласен отречься от насильственных методов. Жена его Винни недавно заявила: «Вместе, рука об руку, со спичечными коробками и ожерельями – вперед, к освобождению страны!» «Правда» любит цитировать другие ее высказывания – о Советском Союзе как надежде прогрессивного человечества. Слева от них находятся парни из Соуэто, которые занимаются не теорией, а практическим применением ожерелий. Похоже, что их все больше. Они примерно соответствуют «красным кхмерам» и при случае разнесли бы все и вся, включая супругов Мандела.

28 июня. Вчера погибло семь человек, один из них так обгорел (на тело было надето семь автомобильных шин), что личность его установить невозможно.

2 июля. В Йоханнесбурге вчера взорвалась бомба у Карлтон-центра, ранив девяти-рых. Среди раненых и младенец, на этот раз даже не двухмесячный, а двухнедельный. Взрывы в общем учащаются: 14 июня, потом 24, 26, 28, 30, наконец, 1 июля.

5 июля. В газете буквы метровой величины: «Террор в Претории». Бомба взорвалась в тамошнем предместье, пострадало девять белых, в том числе семилетняя девочка,

и одиннадцать черных. Я как раз еду в Преторию. Порядок на железной дороге какой-то невразумительный: если не ошибаюсь, есть вагоны первого, второго и третьего класса, а вдобавок специальный первый класс для тех белых, которые с черными ехать не хотят. Билеты третьего класса белым не продаются. Сажусь в смешанный первый – стоит он столько же, что и отдельный.

6 июля. В газетах кошмарная история семьи Ниманн. Госпожа Ниманн в Претории поссорилась со своим черным садовником и, кажется, его избил. Тогда он привел в дом несколько приятелей и вместе с ними повесил ее на глазах у детей, после чего повесил детей. Его окружили и застрелили черные полицейские.

Тем не менее, в «прогрессивной» прессе всего мира всевозможные «борцы за права» не скрывали своего одобрения действиям террористов, при этом реальные факты переворачивались с ног на голову. Постоянно утверждалось, к примеру, что «режим Претории» развязал в стране беспощадный террор по отношению к «несчастливым неграм». О жертвах среди белых, как правило, стыдливо умалчивалось. Эта тенденция отчасти сохранилась и до настоящего момента. Так, некий В. Боярский в книге «Партизанство вчера, сегодня, завтра. Историко-документальный очерк» (М., 2003) пишет: «В ЮАР диверсии и саботаж использовались повстанцами таким образом, чтобы совершенно исключить какие-либо жертвы» (с. 258). Хочется спросить новоявленного «эксперта по партизанству», в чем заключается разница между негритянскими бандитами, вешающими детей, и чеченскими боевиками, белых детей расстреливающих? Возможно, Боярский и исламистов станет называть «повстанцами»?

Показательно, что даже такой тенденциозный автор, как Г. Шубин (научный сотрудник Института Африки РАН) признает, что «АНК не удалось начать «народную войну». То есть, действия черных террористов отнюдь не пользовались массовой поддержкой африканского населения. Факт остается фактом: негры жили в ЮАР лучше, чем в любой другой стране континента.

Глава одиннадцатая. Южноафриканский Апокалипсис

Зададимся вопросом, все ли высшие руководители государства понимали, к чему приведут их реформы? Осознавали ли они, что итогом «демонтажа апартеида» может быть геноцид африканерской нации? Представляется, что последние белые президенты ЮАР – Питер Бота и Фредерик де Клерк – уже задолго до катастрофических событий конца 1980-х – начала 1990х гг. перестали считать Южную Африку своим Отечеством, Показательно, что как один, так и второй предпочли эмигрировать в Швейцарию. Другие лидеры пребывали в мире иллюзий. Профессор Стеленбошского университета С. Тербланш заметил: «Белые жили как в раю и думали, что после урегулирования все останется как было, а черные думали, что после перехода власти каждый из них получит «мерседес».

Кратко рассмотрим ход южноафриканского апокалипсиса.

К концу 1988 года ситуация на юге континента существенно изменилась. Практически все законы апартеида были упразднены или не действовали, за исключением лишь актов о борьбе с терроризмом и коммунизмом. Впрочем, за левацкие убеждения уже давно никого не сажали. Конечно, Бота продолжал повторять банальные истины о том, что против ЮАР «действуют разрушительные силы, направляемые из Москвы». Однако уже летом 1987 года была проведена встреча руководства АНК с представителями правительства.

В начале 1989 года у Боты приключился инсульт. На заседании парламентской фракции Национальной партии ее лидером был избран Ф. де Клерк, В июле 1989 года президент встретился с Нельсоном Манделой, который оставался формальным

лидером АНК, находясь в заключении (задолго до этого он был переведен в комфортабельный коттедж, где жил вполне припеваючи и ни в чем себе не отказывал). В качестве условий для полного освобождения Манделы из «тюрьмы» были названы: отказ от насилия и разрыв отношений с коммунистической партией. Разумеется, «узник совести» наотрез отказался от этих вполне разумных требований. Более того, он предъявил своеобразный ультиматум, призвав правительство снять запрет на деятельность АНК и других расистских и коммунистических группировок, освободить террористов, отменить чрезвычайное положение. Поразительная наглость, учитывая то, что бандиты из «Копья нации» продолжали ежедневно истреблять десятки белых мирных жителей.

2 августа 1989 года началась очередная лицемерная «акция неповиновения». Сотни негров в различных районах страны явились в медицинские учреждения и потребовали «оказать им помощь». Экономические круги со своей стороны усилили натиск на правительство, говоря о необходимости «решительной перемены курса». Крах стал необратимым.

20 сентября 1989 года де Клерк стал президентом. Ему оставалось лишь послушно выполнить все условия, продиктованные черными расистами и «мировым сообществом». На открытии сессии парламента в феврале 1990 года он объявил о снятии запрета на деятельность АНК, Panaфриканского конгресса и коммунистической партии и о полном освобождении Манделы.

«Террорист № 1» (кстати, в этот момент Советский Союз присвоил ему Ленинскую премию мира) прибыл в Кейптаун и выступил на митинге черных радикалов. Он заявил: «Факторы, которые сделали необходимой вооруженную борьбу, все еще существуют сегодня, у нас нет другого выхода, кроме как продолжать борьбу». Как говорится, горбатого могила исправит! Единственным фактором, который продолжал «мозолить глаза» расистам из АНК – было белое население, которое предстояло либо физически уничтожить, либо превратить в изгоев.

Чем больше правительство шло на уступки, тем агрессивнее становились террористы. Когда ряд белых политиков предложили новую государственную модель, согласно которой каждая расовая группа должна иметь равный вес в законодательном органе, с тем чтобы ни одна из них не могла господствовать, черные расисты вновь призвали к «решительной борьбе».

2 мая состоялась встреча лидеров АНК и коммунистической партии с правительством, на которой была фактически подписана капитуляция. Террористы выпускались из тюрем, и могли свободно вернуться в ЮАР из-за рубежа. Больше того, «борцам против апартеида» предоставлялся иммунитет от судебных преследований! К 30 апреля 1991 года было освобождено 933 «политических заключенных», однако 364 террористам было отказано в этом из-за серьезности совершенных ими преступлений. В ЮАР вернулось около 6000 эмигрантов (отказано было лишь 100 экстремистам).

Нельзя сказать, что белые патриоты не пытались противодействовать произволу властей. Но теперь подавляли уже их. Митинги африканеров жестоко разгонялись полицией и негритянскими экстремистами, белых совершенно безнаказанно убивали в открытую, среди бела дня (еще бы – ведь это была «борьба против апартеида»).

Консервативная партия справедливо обвинила правительство в нарушении предвыборных обещаний не вести переговоров с АНК, пока тот не откажется от насилия. Даже бывший президент П. Бота вышел из Национальной партии в знак протеста против того, что в переговорах принял участие лидер коммунистов Джо Слово.

Но почему белые долгое время практически не шли на адекватные черному террору действия? Любопытную точку зрения высказал один из лидеров Демократической партии В. Малан: «Консерваторы фактически смирились с тем, что дело идет к созданию правительства большинства. Их особенностью (включая таких правых деятелей, как Ю. Тербланш) является то, что они воспитаны в уважении к закону, поэтому они вряд ли будут выходить в своем сопротивлении переменам за рамки законов. В Национальной партии многие надеялись, что им удастся сохранить за собой контроль, то есть, разделяя власть, фактически оставить ее за собой. В этой партии произошли фундаментальные перемены. Она защищает уже не африканерские привилегии, а белое богатство, капиталистические интересы, ту «курицу», которая, как они любят говорить, «несет золотые яйца».

Однако даже в этих условиях во властных структурах находились те, кто брал на себя ответственность хотя бы притормозить наступление хаоса. Во второй половине июля 1990 года полиция произвела серию арестов. Среди арестованных оказался, в частности, член исполкома АНК С. Махарадж. Было объявлено о раскрытии коммунистического заговора с целью свержения правительства. С учетом сложившейся в стране обстановки, подобное заявление вряд ли можно рассматривать как надуманное. Впрочем вскоре заговорщики вновь оказались на свободе.

Остановить гибельный процесс было уже невозможно. Мандела добился того, чтобы в конце года члены АНК и «Копья нации» окончательно получили статус неподсудности. Хотя эти организации и отказались формально от вооруженной «борьбы», это не означало, что террор прекратился. Ведь помимо АНК в ЮАР действовал целый ряд еще более экстремистских групп. Некоторые из них вели борьбу против АНК.

К примеру, против Манделы выступало движение «Инката», возглавлявшееся президентом Квазулу (бывший бантустан, получивший статус независимого государства) вождем Мангосуту Бутелези. Поскольку в армейских кругах ЮАР организация Бутелези рассматривалась как неплохой противовес АНК (кроме того, она не носила открыто расистского характера и почти не нападала на белых), «Инката» финансировалась из бюджета министерства обороны, а члены ее боевого крыла обучались инструкторами южноафриканского спецназа.

Соратники «Инкаты» провели ряд довольно успешных боевых акций, в ходе которых было уничтожено немало экстремистов – сторонников АНК. С конца 1980х годов такие акции неоднократно имели место в негритянских рабочих поселках – тауншипах, просто кишевших расистами. Бойцы «Инкаты» использовались и в ходе беспорядков в бывших бантустанах (также получивших независимость). Эти беспорядки были организованы АНК с целью свержения законных властей новых африканских государств.

Неопределенность политической обстановки постоянно подталкивала де Клерка к новым антиконституционным шагам. На очередной встрече с Мандолой он подписал протокол, предусматривавший, что проект новой конституции будет разработан выборным конституционным собранием и что по итогам выборов должно быть сформировано многорасовое переходное правительство. Аналогичные предложения выдвинул многопартийный форум, названный Конвентом за демократическую Южную Африку (КОДЕСА). Движение «Инката», которое теперь стало называться Партией свободы Инката (ПСИ), выступило против этого соглашения, и в декабре 1992 года вождь Бутелези опубликовал проект конституции будущего государства в составе этнического бантустана Квазулу и провинции Наталь. Другие лидеры бывших бантустанов (а в тот момент независимых государств: Бопутатсваны и Сискея) также отказались принимать участие в создании многорасового унитарного государства.

Консервативное крыло африканеров отреагировало на достигнутое соглашение созданием тайного комитета по мобилизации недовольного белого населения на борь-

бу с реформами. Конечной целью белых патриотов было создание отдельного государства африканеров. Треурнихт заявил: «Капитуляция де Клерка трагична, она наполняет сердца свободолюбивых буров и других белых чувством отвращения и ненависти». Африканерское движение сопротивления предрекло, что в случае претворения решений правительства в стране вспыхнет война.

Вероятно, этой войны и добивались черные расисты. Мандела ненавидел всех белых, в том числе и де Клерка. Он не хотел, чтобы в ЮАР белые имели хоть какое-то влияние. С целью активизировать бегство белых из страны АНК начал действовать по ленинскому принципу: «Чем хуже – тем лучше». К крайнему удивлению де Клерка, Мандела призвал всех негров к общенациональной забастовке (фактически, без всякого повода, ведь все требования черных расистов неукоснительно выполнялись). Страну поразили экономический кризис. На митингах в 1992 году (!) Мандела говорил буквально следующее: «Я убежден, что мы имеем дело не с нормальными людьми, а с животными. Следуя примеру нацистской Германии, господин де Клерк, Национальная партия, «Инката» убивают людей всего лишь за то, что они черные». Казалось бы – бред сумасшедшего: де Клерк и Национальная партия превратились к этому моменту в самых настоящих либералов, а «Инката» была организацией чернокожих... Тем не менее, слова Манделы были расценены, как призыв к убийству белых.

Тогдашний министр законности и порядка Хернус Криль позднее привел следующую статистику: в 1992 году было убито 20135 человек, то есть погибало более чем по 55 в день. За год были совершены нападения на 283140 человек, по 770 человек в день. Каждые 30 минут происходило одно убийство, каждую 21 минуту – изнасилование, ограбления совершались каждые 6 минут. А преступники в основном избегали наказания, так как обладали иммунитетом «борцов с апартеидом»...

Активизировали террористические действия и боевики Панафриканского конгресса. Бандиты постоянно нападали на полицейских и белых фермеров. На митинге 27 марта 1993 года главарь ПАК Кларенс Маквету в открытую взял ответственность на свою организацию за убитых незадолго до этого белую женщину и двух ее детей, и провозгласил: «Один фермер – одна пуля! Мы собираемся убивать всех белых – и детей, и стариков. Это будет год террора!»

Белое население активно вооружалось. В 1990-1992 годах в день выдавалось более 500 лицензий на ношение огнестрельного оружия. 10 апреля 1993 года на пороге своего дома в Боксбурге был застрелен генеральный секретарь коммунистической партии Крис Хани. Возмездие совершил Януш Якоб Валуе, соратник Африканерского движения сопротивления (оружие передал ему член Президентского совета К. Дерби-Льюис). Хани в свое время был активным боевиком «Копья нации», прошел военную подготовку в СССР, участвовал в партизанской войне в Южной Родезии, а с 1974 года действовал в подполье на территории ЮАР и Лесото.

Казнь коммуниста привела к новой волне насилия против белых. «За одного Хани – тысячу буров!» – кликушествовали на митингах черные экстремисты. Председатель натальского отделения АНК Хэрри Гвала призвал негритянских студентов овладевать огнестрельным оружием, для того чтобы «вести переговоры через прорези автоматов АК-47». Затем он сказал, что он «не готовится умереть за свободу, а готовится убивать за нее». Летом 1993 года четыре черных «борца с апартеидом» ворвались во время богослужения в Церковь Святого Джеймса в Кейптауне. Применяв ручные гранаты и автоматы, подонки убили 12 и ранили 47 белых прихожан. В числе пострадавших оказались российские и украинские моряки, приглашенные в церковь миссионерской организацией.

Но и правые африканеры не сдавались. Был создан Африканерский народный блок (АНФ), в который вошли более 20 организаций белых. Председателем его совета

стал Ф. Харценберг а директорат возглавил бывший командующий САДФ, герой войны в Намибии и Анголе генерал Констант Вильджоин. Главными целями АНФ было создание Бурской народной армии (из числа резервистов) и достижение самоопределения для африканеров. Вильджоин заметил, что никогда прежде в истории страны не достигалось такого единства между лидерами африканеров: «Это великая победа. Мы счастливы. Мы объединились по важному вопросу национального единства. Различные группы нашли друг друга, стремясь к единству среди африканеров». Один из руководителей АНФ, бывший начальник военной контрразведки генерал-майор Хруневальд, отметил, что правые белые могут выставить 500 тысяч опытных бойцов в случае начала полномасштабной гражданской войны.

На многотысячном митинге в Почефструме Вильджоин предъявил правительству ультиматум: «Мы не потерпим правления АНК». Собравшиеся поклялись вести войну против террористов из АНК и ПАК: «Если еще хоть один фермер будет убит в результате призывов АНК и ПАК, то это станет декларацией войны, и мы будем защищаться, используя все средства, которые у нас имеются. Возможного захвата белых школ в сельских районах черными не произойдет – даже, если для этого понадобится кровопролитие. Каждый фермер должен немедленно вступить в отряды коммандо».

Три недели спустя десятки тысяч вооруженных белых патриотов провели марш по улицам Претории, угрожая войной, если их представители не смогут договориться о создании независимого государства африканеров. Вильджоин призвал готовиться к самообороне: «Возможно, что борьба будет кровавой!»

25 июня 1993 года три тысячи разгневанных белых (в основном членов Африканерского движения сопротивления Ю. Тербланша) ворвались в здание Всемирного торгового центра, где в тот момент проводились очередные переговоры между террористами и белыми ренегатами. Патриоты принялись избивать участников сборища (при этом, они никого не убили) и заставили их спасаться бегством.

К сожалению, проект создания государства африканеров провалился. Золотоносные и алмазоносные районы белым никто бы не предоставил, в пустыню они бы не переселились. Однако реальный шанс получить хотя бы что-то был.

Дело в том, что президент Бопутатсваны Л. Мангопе не желал возвращения своего государства в состав ЮАР (как это было предусмотрено для всех бывших бантустанов). Но на территории Бопутатсваны спокойствие возмущали боевики АНК и ПАК. Они наметили «народное восстание» с целью свержения законного правительства. Когда беспорядки начались, Мангопе обратился за помощью к Вильджоину, чтобы он ввел отряды бурских «коммандо» в столицу государства – Мамбато, и спас режим. Единственным его условием было то, чтобы среди добровольцев не было представителей АБВ Тербланша.

Поразмыслив, Вильджоин согласился. В случае подавления антиправительственного мятежа в Бопутатсване белые приобрели бы здесь важную базу для осуществления своих замыслов. Причем это выглядело бы не как выступление «расистов», а как помощь законному черному правительству. По словам Д. Стейна, который командовал этой операцией, тогда «вся картина стала бы другой. Мы могли бы объявить об одностороннем провозглашении независимости. И десять против одного за то, что никто бы нас не тронул».

Накануне похода на Момбато Вильджоин посетил командующего сухопутными войсками ЮАР генерала Меринга и предупредил его о начинающейся операции, чтобы избежать столкновений с армией. После этого он по телефону отдал приказ на выдвижение, предупредив, однако, чтобы добровольцы не брали с собой оружия (в противном случае, их действия могли расценить как мятеж). Вооружить буров должна была армия Бопутатсваны, которой командовал белый генерал Дж. Тернер.

Однако в этот момент в события вмешалось АБВ Тербланша. Около 600 бойцов «Железной гвардии» (военизированного крыла АБВ) прибыли в Момбато и принялись разъезжать по столице, обстреливая митингующих негров. Эти действия привели к возмущению армии и полиции Бопутатсваны, и целые подразделения стали переходить на сторону мятежников. Когда отряды Вильджойна появились здесь, им не удалось получить обещанного оружия: страну поразила революция, а Мангопе был свергнут. В марте 1994 года та же участь постигла правительство Сискея.

26-29 апреля 1994 года состоялись всеобщие выборы, и АНК пришел к власти, получив поддержку большинства избирателей – 63% (за Национальную партию проголосовали 20%). 9 мая 1994 года Национальная ассамблея избрала президентом ЮАР Манделу. Однако, это уже история совершенно другого государства.

Послесловие

Апартеид был порождением своего времени и своих геополитических условий. Нет смысла проводить параллели между апартеидом и, скажем, фашизмом (как это часто делается). Ведь с такими же основаниями уместно провести параллели между «режимом Претории» и демократией (особенно американской). В самом деле, южноафриканское государство сложно назвать авторитарным и, тем более, тоталитарным. С момента создания Южно-Африканского Союза в стране установилась парламентская демократия, в которой имели место многопартийность, либеральная экономика, свобода слова и вероисповедания. Конечно, плодами этой демократии в полном объеме могли пользоваться только белые. Но ведь и в Соединенных Штатах Америки (в южных штатах) была практически аналогичная ситуация вплоть до конца 1950х годов (а ведь США никто не рискует сравнить с фашистской диктатурой). Таким образом, клише, общепринятые для определения природы режима в ЮАР, оказываются неточными и некорректными.

То же самое можно сказать и о расхожем взгляде на так называемую «народно-освободительную борьбу», которая, как мы могли убедиться, была лишь формой международного терроризма, идеологически подпитываемой черными расистскими предрассудками в сочетании с утопиями марксизма.

Таким образом, режим апартеида был уникальной системой, сложившейся в условиях Южной Африки как единственная возможная форма сохранения здесь белого присутствия и европейской цивилизации. С падением апартеида и переходом власти в руки черного большинства страна пошла по совершенно другому пути, характерному для абсолютного большинства государств африканского континента.

Приложение

«Die Stem van Suid-Afrika»

(«Голос Южной Африки», гимн ЮАР, 1957-1994)

Слова: Корнелий Якоб Лангенховен
Музыка: Мартин Лоуренс де Виллерс

Африканерский вариант

Uit die blou van onse hemel, vit die diepte van ons see.
Oor ons ewige gebergtes waar die kranse antwoord gee,
Deur ons ver-verlate vlaktes met die kreun van ossewa
Ruis die stem van ons geliefde, van ons land Suid-Afrika
Ons sal antwoord op jou roepstem, ons sal offer wat jy vra:
Ons sal lewe, ons sal sterwe, ons vir jou, Guid-Afrika.

Английский вариант

Ringling out from our blue heavens, from our deep seas breaking round;
Over everlasting mountains, where the echoing crags resound;
From our plains where creaking wagons cut their trails into the earth
Calls the spirit of our Country, of the land that gave us birth.
At thy call we shall not falter, firm and steadfast we shall stand.
At thy will to live or perish, o South Africa, dear land.

Русский перевод

Из родного неба сини, из глубин родных морей,
Между вечных, эхозвучных горных кряжей и цепей,
Средь равнин – упряжки бычьи проскрипят порою там,
Южной Африки любимой голос шепчет что-то нам.
Хором ей ответим: «Волю ты свою нам изреки -
Жизнью жертвовать и жить – для Южной Африки».

Список литературы и источников

- Адамишин А.Л. Белое солнце Анголы. – М., 2001.
- Апартеид. Его последствия для образования, науки, культуры и информации. – М., 1965.
- Апартеид: опыт построения расового государства // Реванш, № 1, 2005.
- Бантинг Б. Становление Южноафриканского Рейха. – М., 1965.
- Боярский В.И. Партизанство вчера, сегодня, завтра. Историко-документальный очерк. – М., 2003.
- Брукс А., Брикхил Д. Вихрь перед бурей. – М., 1984.
- Вахрушев В.В., Левищенко А.М. Апартеид и политика Запада в ООН. – М., 1989.
- Вышинский М.П. Юг Африки: апартеид, геноцид, агрессия. – М., 1988.
- Вышинский М.П. Юг Африки: документы обвиняют. – М., 1983.
- Вяткина Р.Р. Создание Южно-Африканского Союза. – М., 1976.

Годвин П. Йоханнесбург. Город страха, город надежды // National Geographic, апрель 2004.

Давидсон А.Б. Южная Африка. Становление сил протеста. 1979-1924. – М., 1972.

Демкина Л.А. Социальная структура южноафриканского общества и основные направления ее трансформации. – М., 1986.

Дьяков И. Белые, негры и «белые негры» // я – русский, №7, апрель 2002.

Иванченко А. Полицейская зона // Костер, №11, ноябрь 1976.

Касрилс Р. Вооружен и опасен. От подпольной борьбы к свободе. – М., 2005.

Кулик С. Йоханнесбург избавляется от старой кожи // GEO, №5, май 2001.

Никитина А. И. Захват бурских республик Англией (1899-1902). – М., 1981.

Таиров Т.Ф. Апартхейд – преступление века. – М., 1968.

Тетеркин В. Ленинская премия наконец вручена // Советская Россия, №147, 30-31 декабря 2002.

Токарева. А. ФНЛА в антиколониальной борьбе и гражданской войне в Анголе. – М., 2006.

Тихомиров В. И. Партия апартеида. Социально-политическая эволюция Националистической партии ЮАР. – М., 1987.

Тихомиров В. И. Церковь и политическая борьба в Южной Африке. – М., 1990.

Barrel H.M.K.: The ANK's Armed Struggle. Johannesburg, 1990.

Davis S. Apartheid Rebels: Inside South Africa's Hidden War. New Haven, 1987.

Gerhart G. Black Power in South Africa. 1960-1964: a Case Study. Evanson, 1971.

Grundy K. Guerilla Warfare in Africa: an Analyses and Preview. NY, 1971.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).